

16+

ЕВГЕНИЙ МИНИН

Евгений Александрович Минин

Не для героев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38278728

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11121-9

Аннотация

Для Героев! Всем зарегистрированным героям следует обратить внимание на начало ежегодного турнира за звание Легендарного героя. Мы убедительно просим прочитать объявление до конца перед тем, как приступить к ежегодным спасениям невест, погоням за злодеями и охотой на монстров, вторгнувшихся к нам с лун Флидоры. Гильдия напоминает вам, что каждый подвиг должен быть задокументирован, а отчёт подкреплён вещественным доказательством. Соблюдайте правила и не забудьте приобрести обновлённый Кодекс Секунданта в любом представительстве Гильдии. Ваши подвиги очень важны для нас, Гильдия героев.

Содержание

Начало	4
1 В Полупорте всё спокойно	7
2 Недоля на первой улице	34
3 Последняя воля	48
4 Герои и злодеи	55
5 За выкрашенными стенами	73
6 Очки за милость	83
7 Незнакомец и мешок чудес	94
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Евгений Минин

Не для героев

Начало

Что было в начале? С точностью до вероятного – в начале был звук. Во всяком случае, то, что было до него, нас не очень интересует. Ведь всё, что было до звуков, определённо было и до письменности, а в результате попросту забылось, так как это невозможно было передать.

Любая история, по сути своей, имеет отношение к прошлому или к вымыслу, что, в общем-то, одно и то же. Каждая история и каждый вымысел рождаются и существуют только с одной целью – быть рассказанными до того, как они пропадут за поворотом бегущего на всех парах времени, движущегося по своей бесконечной спирали.

Но вернёмся к тому месту, где встретились звук и время, иными словами – в начало. Далее сделаем скачок вперёд по оси времени и остановимся над тем мигом, когда в бесконечном пространстве зародилась Она.

Являясь всего лишь спутником планеты Во'Ракан и несмотря на очевидность этого факта для других небесных тел, Она всегда считала себя планетой. Возможно, поэтому

Вселенная решила образумить её и по-матерински наказала заносчивого голыша.

Конечно же, цель была исключительно воспитательная, но, как это часто бывает, родитель не рассчитал силу. Вероятно, поэтому воспитательные работы, а в особенности – наказания, возлагаются на отца, а не на мать. Ведь мать создана не для порки, а для заботы и любви.

Как результат, комета врежется в то, что ещё мгновение назад мирный житель с не самым лучшим зрением мог назвать сферой. У Во'Ракана перехватило дыхание. Вся солнечная система замерла в ожидании. Вспышки и облака космической пыли рассеиваются, и – о чудо!

Сила духа приёмыша или изменившиеся в последний момент намерения Вселенной, но – Она всё ещё там, на орбите гиганта Во'Ракана. Попутчица, названная сферой, стала чем-то похожим на полукруглую чашу или старый сдувшийся мяч.

Отколовшиеся куски недавно целой почти планеты теперь отдельно, но всё равно оставаясь на виду, продолжали путешествовать по орбите Во'Ракана, крепко держась невидимыми руками силы притяжения за старшую сестричку.

Так они и существовали: гигант Во'Ракан, защищающий своего детёныша от опасностей безграничного космоса, и сам детёныш, теперь похожий на разбитое яйцо, которое оставили в окружении осколков собственной скорлупы там, где оно и упало. Хотя солнце, глядя на Во'Ракан, его спут-

ник и парящие над кратером каменные острова, представляло родителя с ребёнком и дюжиной воздушных шариков.

Поймав попутный ветер времени, пришвартуемся в том месте, где и когда внутри этого яйца начала зарождаться жизнь. В полости чаши появилась вода, атмосфера и первые организмы.

Совершим ещё один вираж на просторах времени и зачём над знаменательным событием. Оно не так значительно в масштабах бескрайней Вселенной, но, если приглядеться, можно увидеть *венец эволюции*, как он сам себя скромно и довольно коротко описал – человека. Тысячи лет человек искал себя в мире и шлифовал многогранное колесо до тех пор, пока оно не стало круглым. Прямоходящий и уже довольно неплохо соображающий человек не стал останавливаться на колесе. Так появлялись картоделы, конструкторы, лекари и словосклады. На самом деле, были и другие, ведь каждый старался дать оригинальное и ни на что не похожее название своему делу, пусть порой и сам не мог его запомнить. Именно такой человек дал имя миру, в котором он жил; он назвал этот мир – Флидора.

1 В Полупорте всё спокойно

Добро пожаловать в Полупорт! Как землебрюх на тёплом камне, город расположился на побережье Быстрого моря. Когда-то Полупорт носил гордое имя Порт, но с тех пор, как один из известных в своё время героев убил в неравной схватке морское чудовище, которое... Ах да, кажется, мы поторопились!

Добро пожаловать на Флидору! Мир, зародившийся внутри кратера разбитой каменной сферы, кружащей на орбите Во'Ракана. Обитатели Флидоры разделились на тех, кто называет свой мир Ямой, и тех, кто именует его Чашей. В этом заложена основа их восприятия и мировоззрения. Время от времени создаётся впечатление, что они действительно живут в разных мирах.

В любом случае, оба мира одной планеты стали пристанищем героев и злодеев, концентрация коих превышает все допустимые нормы. На сто жителей половина – герои, половина – злодеи, а все щели нестабильной системы счёта забиты обычными горожанами.

Самоучи говорят, что есть шанс на появление человека, не похожего ни на героя, ни на злодея, ни на мирного горожанина, так как любому миру рано или поздно наскучит существовать с кучей хороших героев, их злых антиподов

и нейтральных держателей трактиров.

Возможно, случай уже выстрелил, но его никто не услышал, и словоскладам придётся проявить талант и додумать детство и молодость этого необычного человека. Но отложим объяснение особенности и уникальности надуманного венца эволюции до непосредственной встречи с ним или с ней и вернёмся к актуальным проблемам Флидоры.

Герои. Герои стали опорой Флидоры, щитом и мечом, стеной и крышей. Да герои просто лезут со всех сторон, и вы не сможете пройти и десяти шагов, не встретив хоть одного!

А сколько их в больших городах! У обычного жителя, если только он не крупный купец, не хватит цифр подсчитать количество личностей с багажом приключений и подвигов, превышающих среднюю продолжительность жизни этих самых героев. Любой трактир, постоялый двор и центральная площадь... Да что уж там, каждая улица кишит героями, ищущими новых приключений на свои мечи, щиты и набедренные повязки.

Словосклады гоняются за героями, слагая буквы в истории о великих подвигах. Каждый словосклад желает написать про того самого героя, что станет Легендарным, и проследовать за ним до самого конца. Ведь всегда интересно, чем же всё закончится. А если вам попалась история, в которой герой остепенился и вырастил детей, не верьте! Это труд плохого словосклада, попросту потерявшего своего героя из виду и понятия не имеющего, чем увенчались его

странствия. Погиб он или до сих пор в поиске? Конечно же нет – он нашёл ту прекрасную, что подарила ему маленьких героев, злодеев или мирных горожан!

А с приключениями в эти дни становится всё сложнее и сложнее... Так говорят менее удачливые и старательные герои. На самом деле, ничего не менялось, люди попадали в неприятности и продолжают в них попадать. Злодеи творят бесчинства, а ужасные монстры всё ещё блуждают по землям Флидоры.

Чудища, кстати, очень боятся самих героев. Воины, с безумными глазами и криками гоняющиеся за пугаными, ничего не понимающими тварями по всему свету, стали для них настоящей напастью. Многих можно было бы записать в книгу редких особей, будь такая на Флидоре. Наверняка не один мирный самоуч – *просветлённый*, как они, и только они, себя называют, – увлекающийся изучением мира, хотел написать энциклопедию вымирающих видов, но она не была принята по одной простой причине. Никогда не знаешь, вымирает ли этот конкретный вид монстров или нет.

Всё дело в межсезонных монстропадах. Видите ли, на осколках когда-то целой Флидоры (тогда она была всего лишь безымянным спутником) также зародилась жизнь; и существа, обитающие там, наверху, получились довольно свирепые и кровожадные. Плавучие острова или луны, как их называли самоучи, путешествуют вместе с Флидорой по неизменной трассе на орбите Во'Рокана. А четыре раза в год

Во'Рокан нагоняет его торопливый сосед по орбите вокруг светила, у которого даже и имени нет.

Один из самоучей пытался дать имя соседней планете и заняться её изучением, но из-за повышения налога ему пришлось выбрать более прибыльное дело, и исследования закончились на том, что планета есть, и она обгоняет Во'Рокан четыре раза в год. Если бы принц Доклер не застрял с визитом в соседний крупный город на лишние пару дней и не оставил бы часть казны в развлекательных шатрах, пытаясь понять правила карточной игры, главным правилом которой было не допустить выигрыш участника... Возможно, тогда повышение налогов отложили бы ещё на пару лет, и учёный, променявший свой труд на сувенирную лавку, углубившись в силу гравитации и воздействия космических тел друг на друга, смог бы докопаться до правды и рассказать людям, что именно тесный обгон на сменах сезонов, совершаемый нетерпеливой планетой, и является причиной монстропада.

Как слабенький магнит манит горстку скрепок с верхней полки, робко предлагая – «Спускайтесь же, если хотите», так и монстры, следуя зову братьев с Флидоры, ныряют с обрыва и благодаря закону изменчивого притяжения, который вряд ли откроют в ближайшее время, совершают мягкую посадку на Флидоре.

Говоря языком обыкновенного пекаря или трактирщика – «С неба сыпятся монстры, а герои как ошпаренные бегают по свету, пытаясь найти такого монстра, за которого им

дадут побольше очков». А если такому пекарю или трактирщику задать очевидный вопрос – «Почему они не разбиваются?», то он ответит – «Думаю, это... или ещё что... В общем-то, мне без разницы» и, немного подумав, добавит: «Главное, подальше от моей крыши». Последние слова описывают отношение мирных горожан к большинству волнующих общество вопросов, таких как: «Где следует поместить новую геройскую доску почёта?», «Куда подевались настоящие злодеи?», или «Где в вашем городе можно провести ночь?» Кстати, именно эти слова и стали последними для одного пекаря, когда во время монстропада разъярённый и голодный серый монрог приземлился в его спальне. Рок, судьба или карма, на Флидоре это называют – Недоля.

Словосклады Флидоры на самом деле очень гордятся словарём, созданным их усилиями за сотни лет, ведь такой труд требует полного отказа от разглядывания весёлых журналов в отделе «Побудительной литературы», имеющемся в каждом уважающем себя трактире и в не очень уважающих себя читальных залах Полупорта. Ах да...

Добро пожаловать на Флидору! Мир героев и злодеев, чудовищ и сокровищ, закованных девственниц и раскованных бесстыдниц, а также мирных горожан.

Добро пожаловать в Полупорт – красивый и разнообразный город, популярный среди мирного, героического и злодейского населения. Расположенный на ярком побережье Быстрого моря, он лежал, несмотря на всю свою привлека-

тельность, как томлённый на солнце овощ, пока ещё не подававший запаха. Не исключено, что он уже пах, но для того чтобы почувствовать этот запах, нужно было выйти, подышать чем-то другим и заново зайти.

Жители Полупорта покидали стены города только во время общественных работ по покраске этих самых стен, а приезжие редко появлялись в нём в трезвом, прямоходящем состоянии, и свежесть городского воздуха оставалась тайной восьмого уровня важности. Для сравнения, тайна: – «Может ли заяц делать сальто?» – относится к тайнам седьмого уровня важности.

Полупорт славился своей уникальной непланировкой улиц и домов. В городе нет ни одной улицы, которая проглядывалась бы от одного перекрёстка до другого. На самом деле, аллеи не проглядывались и на тридцать шагов, и в сильный туман не знакомые с городом люди могли долго блуждать в узких коридорах, неожиданно меняющих наклон и направление. Будь мёртв единственный в Полупорте самоуч-картострой, он бы переворачивался в гробу каждый раз, как в Полупорте появлялась новая улица. К счастью, он давно покинул город. В слезах.

Другая особенность Полупорта заключалась в несчётном количестве трактиров, торговцев и забытых моряков. Количество последних росло пропорционально числу трактиров, где бывшие морские волки теряли счёт времени и, сами того не зная, становились беглецами, пропавшими без вести или

погибшими в бою для своих команд, капитанов и родственников. Брага сглаживала осознание такого известия для самих моряков, и они приспособивались к новой жизни в всегда свежевыкрашенных стенах Полупорта.

Может быть, Полупорт – не самый оживлённый или разносторонний город Флидоры, но его особенности не ограничиваются двумя перечисленными. Третья уникальность прибрежной колыбели заключается в возможности для всех страждущих в поисках спокойствия и умиротворения обрести в Полупорте спокойствие и умиротворение...

Последнее, что следует упомянуть, – это центральная улица Полупорта, она же – первая улица города. Единственный клочок, в котором присутствует крупица обычного и простого, ведь всё первое было простым. Улица берёт начало у старого заброшенного порта и ведёт нас прямо, не меняя направления и уровня, около ста шагов. По сторонам обычной улицы расположены обычные дома обычных горожан.

Когда город стал расширяться, первая улица с её простой планировкой утонула, как вилка в тарелке спагетти. Обрастающая зданиями и улицами во всех направлениях, старый причал стал недостижим из-за нагромождений плавучих постоянных дворов, лавок и домов, связанных между собой ненадёжными мостиками и хлипкими дощатыми тропами. На всей первой улице стояло всего два трактира, одна мясная лавка и мастерская дел ковалевых. Основными посетителями всех четырёх заведений были местные или заблудившиеся стран-

ники. Просто потому, что раньше, чем на третий день блужданий наткнуться на первую улицу было практически невозможно. Но бывали и исключения.

А исключения являются причиной необычных следствий на обычных улицах.

Возможно, освещение улиц в этот день создало коридор. Или голодные картавые крылохлопы, наивно надеявшиеся найти свежую рыбу вблизи старого причала, своими криками привлекали внимание к этому участку города. Быть может, странник услышал про отменную Воллову брагу, что льют в одном из трактиров Полупорта. Есть вариант, что его направили собаки, от которых пришлось убежать, и он случайно выбрал путь, где разумное животное не стало преследовать свою цель. Будь оно так или этак, жители Чаши и Ямы сойдутся во мнении, что завела этого странника на первую улицу недоля.

Первая улица Полупорта! Посреди стоял запыхавшийся Капюшон. Со стороны складывалось впечатление, что в этом балахоне нет постояльца, и если бы не две тощие ножки в старых сандалиях, торчащие из-под подола мешковатого одеяния, могло показаться, что балахон висит на вешалке, а не на человеке.

Движение явилось доказательством наличия живого существа внутри пыльного наряда. Тяжело дыша, он продви-

нулся по первой улице до того места, где друг напротив друга, скрипя цепями, на него смотрели две вывески – «Три топора» и «Хромой кхонь». Пустой капюшон взглянул на одну вывеску, потом на другую. Он ещё трижды осмотрел одинаковые разошедшиеся таблички с названиями заведений, кстати, созданные одним художником, о чём свидетельствовали абсолютно идентичные краски, цвета и почерк.

Изучив вывески куда внимательнее их владельцев и исполнителей, Капюшон опустил наполненный тенью разрез для лица на уровень горизонта и уставился на двери заведений. «Скидки героям на ночлег и блюдо дня», ниже висела вторая табличка – «Блюдо дня: Похлёбка из твёрдорыла». Вывеска на второй двери не пыталась привлечь гостей деликатесами и, не считая птичьего помёта, на ней была лишь надпись «для героев».

Неизвестно, о чём подумал человек внутри балахона, но он сделал шаг в сторону «Трёх топоров». В этот момент на место, где стоял Капюшон, рухнул старый картавый крылохлоп. Не то чтобы принятое решение спасло жизнь Капюшона, но он посчитал это знаком и уже уверенным шагом последовал в заведение. Захлопнувшаяся за его спиной дверь от удара скинула с себя старую грязь. В том числе и птичий помёт на табличке «для героев», под которым скрывалось важное дополнение «Не».

Несмотря на расположение, «Три топора» – новый трактир. Хозяин открыл заведение в подвале, где раньше жил са-

пожник Тоб. Но жизнь, как известно, не продлишь новой набойкой из кожи пустынного барога, а в случае Тоба именно такая набойка и оборвала его существование. Заказав свежую кожу, мастер не подозревал, что она окажется настолько свежей, что атакует его, едва он откроет ящик. Закалённые предбрачными боями рога оказались крепче черепа сапожника, а сама мастерская освободилась в тот же день.

Уже через неделю после нелепой смерти Тоба старая дверь открылась под новой табличкой. Хозяин «Трёх топов» не чинил сапог, но на какое-то время помогал забыть о проблемах с обувью.

Постоялый двор, новый он или старый, должен отвечать неписаным требованиям и иметь определённую атрибутику – завсегдатаи, изюминка и центровой.

Завсегдатаи – гарантия качества, проверенная временем. Завсегдатаи, как правило, создают фон, часто статичный. Как каменные статуи, они застывают в самых неудобных позах. Облокотившись на спинку стула или на стол, в основном, лицом; издавая булькающие и свистящие звуки, они исполняют свой непростой долг. Во многих трактирах таких даже не просят покинуть заведение, когда оно закрывается.

Изюминка – вот что привлекает к заведению основную толпу. Будь то музыкант, девушка, разносящая напитки, или брага (реже – брага), но изюминка должна быть. Без неё про трактир никто не станет писать. А если про него никто не пишет, то кто ж туда пойдёт? Зная, что у него нет шанса по-

пасть в историю, рассказ или легенду, ни один герой не станет останавливаться в харчевне. В то же время ни один словосклад не пойдёт в таверну, где не будет хоть мельчайшего шанса повстречать знаменитого героя и написать о нём. Таков замкнутый круг, начало которому не найти ни кузнецам, ни самоучам.

В «Трёх Топорах», в отличие от многих, а в случае Полупорта – от всех трактиров, была невероятная брага. Ходили слухи, что Воллова брага доставляется в «Топоры» от бурлоков. Они пришли с Плавучих островов, никто уже не помнит когда, и обладали неким интеллектом, чем не могли похвастаться их соседи на осколках Флидоры. Некоторые герои утверждают, что слышали, как бурлоки говорят. А ещё они издавна варят лучшую брагу и, учитывая напряжённые отношения людей с бурлоками, достать волшебный нектар можно было, только нападая на их винокурни. Таким образом герои могли добыть себе бочонок-другой. В таверне «Три топора» этот дивный напиток лился рекой, и посетители ломали головы, откуда владелец раздобыл рецепт, но после двух кружек этот вопрос покидал их воспалённые головы и занимал почётное место среди вопросов пятой степени важности.

Центровой – это тот, вокруг кого собирается больше всего посетителей. Его столик никогда не бывает пуст, и многие приходят в таверну только ради того, чтобы послушать или просто поглазеть на него. Центровой в мире Флидоры, как правило, – герой с богатым послужным списком, реже

– словосклад или бард, предлагающий увлекательные истории за кружку браги или миску супа; иногда это сам хозяин с багажом рассказов о своей разнообразной и увлекательной, хотя чаще всего вымышленной жизни. Центровой в «Топорах» был именно таким хозяином, и список его историй был бесконечно велик. Слушая его байки, никто и не думал, как можно успеть столько сделать и повидать за одну жизнь. Посетители верили, так как выдумать столько всего необычного им казалось невозможным. Как и с происхождением «бодрой», как её называли завсегдатаи «Трёх топоров», браги, вопросы о достоверности историй снимались парой кружек фирменного напитка.

Капюшон стоял у двери и, не сходя с места, проводил взглядом по залу таверны, как маяк, возвышаясь на молу, скользит светом фонаря по ночному горизонту. В отличие от маяка, Капюшон не привлекал к себе желаемого внимания. Даже не видя выражения его лица, скрытого глубоко внутри, было понятно, что он как раз в нём нуждался.

А тем временем часть столиков просыпалась после утренней порции браги, часть отходила ко сну, поторопившись с дневной. Крупнотелые посетители с крепкими мышцами проявляли интерес к девушкам, безуспешно пытаясь растегнуть маленькие пуговички на их блузках своими толстыми, чёрствыми от жизни пальцами. Несколько зелёных плащей из Гильдии воров в сторонке изучали рынок и потягивали разбавленную брагу.

В большинство таверн, кстати, запрещено проносить воду и подливать её в свои стаканы. Наказания устанавливаются хозяевами и по степени суровости разнятся от просьбы публично вылить воду до отсечения руки. Часто наказание выбирается общим голосованием посетителей.

– Добрый день! – раздался голос из-под капюшона, тут же заглушённый криками, смехом и стуком деревянных кружек о столы, другие кружки и головы. – Мне нужна помощь! – Капюшон бесславно повторил попытку пробить стену шума. – Я ищу героя!

Такого эффекта он не ждал, стена гама рухнула, и перед ним воцарилась тишина, из которой на стоящего в дверях Капюшона поглядывали все бодрствующие глаза таверны. Напряжение росло, как в воздушном шарике, который никак не перестанут надувать, и уже близился момент, когда... Нога, как бы странно это ни звучало, спасла положение. Ведь именно она бодро ударила в дверь, а та, в свою очередь, распахнулась и оттолкнула Капюшона в сторону завсегдатаев «Трёх топоров». Владелец этой ноги ушёл на второй план и не был бы упомянут вовсе, не имей его конечность своей роли в истории.

Шквал крика, гама, смеха и стука деревянных кружек смыл все следы той неловкой тишины. Отметим, что владелец ноги, разрядивший в тот день атмосферу «Трёх топоров», был вознаграждён недолей и нашёл мешочек монет по пути домой. К сожалению, дом его пострадал от событий,

несвоевременных для упоминания на данном этапе рассказа.

Поднявшись с пола, Капюшон увидел раскрытую нараспашку дверь, но не заметил уже чистую табличку, гласящую – «Не для героев». Не только табличка открыла своё истинное лицо. Потеряв капюшон вместе с равновесием, человек в балахоне приобрел личность, которую так старательно скрывал. Копна густых, налитых солнцем жёлтых волос приютила под своей кроной лицо, повидавшее не так много за те двадцать лет, которые можно было дать этому парню. В глазах скрывалась мудрость, но скрывалась она под плотной пеленой наивности. Взгляд Капюшона дополнял общий вид и омолаживал его ещё на пять лет. Природа всегда балансирует на трёх ненадёжных столпах – эволюции, разнообразии и юморе. Сразу было видно, что на этом экземпляре своего спорного, но разумного творения она не забыла про первый, поработала над вторым и действительно выложилась на третьем пункте.

Парень не был смешон, и из-под его губы не торчали зубы. Наоборот, он был довольно привлекателен. Было в нём что-то не столь очевидно, но всё же выдающее его нелепость. Как феромон, появляющийся в воздухе и говоривший всем его учувшим – «Сейчас начнётся».

Капюшон снова посмотрел на табличку перед тем, как дверь со скрипом захлопнулась. На лице парня проступило понимание. Потом заминка. Потом опять понимание.

– Извините! – но стена шума снова стояла и казалась

непреодолимой преградой для слов мальчишки. Сказанное тут же развеялось в густом воздухе таверны. – Я ищущу... – парня быстро заткнули и, дёрнув за руку, подтянули к одному из столиков.

За столом сидела габаритная троица. Заговорщически переглянувшись, они, не интересуясь желаниями Капюшона, усадили его на стул и поставили перед ним кружку.

– Пей, – предложил один из них.

– Вы геро... – не успел закончить парень.

– Пей! – сказал другой здоровяк. – И меньше говори.

– Да, мы – те, кто тебе нужен, – продолжил третий.

– Свет Во'Ракану! – просиял юнец. – Вы не представляете, как я рад, что нашёл вас!

На лице Капюшона расцвела улыбка. Улыбка, недопустимая в заведении, где среднее количество зубов не превышало двадцать на посетителя. При этом сам парень значительно повлиял бы на итоговый результат такого опроса.

Три лица напротив Капюшона не могли похвастаться красотой в принципе. Они были больше похожи на каменных големов, выкрашенных в бронзовый цвет загорелой и довольно грязной кожи.

– В чём дело, парень? Ты, кстати, парень? – усердно напрыгая остроугольную голову, спросил один из воинов.

– Я такой. В смысле, я – да. Что же это я, у меня к вам срочное дело! Мне нужна помощь героев, – хоть эти слова и попали на страницы, на самом деле мальчишка не успел до-

говорить из-за огромной грязной ладони, захлопнувшей ему рот. Точнее, рот был целью, но поскольку люди Флидоры отличаются не только особым мировоззрением, но и физиологией, рука воина закрыла большую часть лица парня.

– Тссс! – указательный палец, направленный вверх и прижатый к губам, шипящим, словно малый землебрюх, намекал на неуместность сказанных слов в этом месте.

– Я что-то не то сказал? – парень озадаченно переводил взгляд с одного собеседника на другого, вытирая лицо от сажи и пота, оставшихся от руки воина.

– Почти всё, – ответ прозвучал незамедлительно.

– Но я почти ничего не сказал!

– И при этом всё не то, – кивнул третий.

Парень задумался и в некотором недоумении повторил:

– Мне нужна помощь, а вам нужна слава. Неужели этого мало?

Воины оглянулись, переглянулись и, достигнув невербального согласия, обратили свои взгляды и внимание к парню.

– Рассказывай, в чём дело, – сказал один.

– Только тихо! – добавил второй.

– И быстро, – ещё раз оглянувшись на бар, третий подытожил список условий.

Парень набрал полную грудь воздуха и начал.

Его история задела огрубевшие от сражений сердца воинов. Повествование не под силу передать даже искусным са-

моучам пера, но всё же читатель должен быть в курсе, раз уж об этом зашла речь.

– Я пришёл в этот славный город в поисках помощи, – начал парень. По взглядам он понял, что красочная история займёт не только время, но и всё свободное пространство в головах воинов. – Деревня, где я жил... Я, мой дядя, моя тётя и ещё сотня... – он указал на стол. Непонимание в глазах слушателей вынудило парня дополнить историю наглядным примером, и он сгрёб в центре стола столько орехов, сколько смог найти. В дальнейшем он применил кружки, миску и обглоданные кости, оставшиеся после завтрака героев. – Мы – очень старая и изолированная община. Я – последний юнец в нашей деревне. Из поколения в поколение мы передаём важные знания о природе и мироздании. Но несколько дней назад на нас напали! Эти разбойники грабили и жгли, а потом начали убивать старцев ради спальных мест. – Парень вскочил и, взяв кружку, раздавил ей горстку орехов.

– Это нормально, – воины, кивая, переглянулись и тут же обратились обратно к Капюшону.

– Я смог сбежать. Я видел, как моего дядюшку и остальных вели в хлев. Я видел, как горел дом, в котором я рос. Уходя за горный перевал, я смотрел, как падала башня, являвшаяся центром нашей общины! – Парень заплакал. – Это было ужасно. Я бежал сюда три дня и три ночи! Взываю к вам, вашей силе и отваге. Герои! Покарайте осквернителей!

Один из воинов повернулся к другому и шёпотом что-то

спросил. Тот пожал плечами, помялся и повернулся к Капюшону.

– Что ты только что сказал?

– Я бы хотел, чтобы вы поразили своими мечами злодеев, напавших на мою деревню, всех до одного!

– Получается, убить всех, да? – уточнил воин, сидевший посередине.

– Если можно обойтись без убийств, я был бы рад, но слышал, что герои так не умеют! Пойдёмте же! Нельзя больше ждать!

Воины переглянулись, и один из них встал. Эта решительность воодушевила Капюшона, и он с улыбкой сам вскочил на ноги. Воин повернулся к нему спиной и пошёл к бару.

– Куда это он? – спросил у соратников героя удивлённый юноша.

– Мы решили, что нам и тебе нужно выпить за твою деревню. Старики наверняка были хорошими... стариками...

– Как же так? Ведь мы ещё можем спасти их! Я для этого бежал сюда, искал вас. Неужели вы не можете помочь?

Здоровяк опустил руку на плечо Капюшона и усадил его обратно за стол.

– Конечно можем! Не хотим.

– Я не верю своим ушам! Герои должны помогать всем попавшим в беду!

– Да, но, – вступил в разговор воин, вернувшийся с четырьмя кружками браги, – сам посуди. Три дня пути. Горст-

ка каких-то разбойников. Они ещё наверняка не зарегистрированы. Иными словами, мы потратим много времени на подвиг, за который, возможно, и очков-то не получим. А тем временем вот-вот начнётся весенний монстропад неподалёку отсюда.

– Да мы с глупых дятлов наберём больше очков, чем с твоих разбойников-дедубийц.

– И я так понял, у вас там даже девушек нет, да? – добавил другой воин.

– Конечно нет, это коммуна старцев! – возмущённо крикнул юнец. – Мы храним и передаём ценные знания!

– Парень, – вернувшийся с брагой воин пододвинул кружку Капюшону и приобнял его за плечо, – просто сейчас неподходящее время. Как говорила моя мама, «Решение твоей проблемы – на дне этой кружки».

Капюшон, разозлившись ещё сильнее, вылакал всё разом. За ударом кружкой по столу последовал и удар лицом по нему же. Первый раз Капюшон столкнулся с брагой.

Что есть время? Одни скажут, что это момент между рождением и смертью, и окажутся правы, ведь мы не можем с уверенностью сказать, было ли время до нас. Да и гарантировать, что оно останется таким же после, не можем. Другой перебьёт и скажет, что время – это сумма мгновений, которые мы можем держать в своей голове. Своего рода бульон выдуманного будущего и прошлого, исковерканного до неузнаваемости нашим восприятием. И такой человек также

будет прав. Третий скажет, что они говорят одно и то же, ведь это жизнь, а значит, время – это жизнь. Оно бесконтрольно и неподвластно пониманию по своей сути, и лучшее, что мы можем делать – это брать перерывы и тормозить его, например, брагой.

Воллова брага сама по себе является машиной времени, работающей в одном направлении и в абсолютно разных пространствах. Не рассчитав свои силы, путешественники находили себя в будущем в местах, о существовании которых они даже не знали или знать не хотели.

– Просыпайся! – хриплый голос разделился на сотни и хором бил по голове Капюшона.

Глаза не открывались, во рту пахло задворками, а в голове завелись злые муравьи. Пока картинка в глазах собиралась в контрастный рисунок, Капюшон вспоминал, где он был, что делал, и как вернуться в тот возраст, когда он мог часами сидеть на дереве и есть плоды прямо с веток.

– Кто вы? – через боль выдавил юнец. – И зачем так кричать?

– Добро пожаловать в Полупорт, парень! Ты спишь на столе в моей таверне уже целый день. Либо заказывай что-то, либо проваливай.

– Можно, пожалуйста, воды...

Слова прозвучали так жалобно, что владелец обошёл правило всех таверн о воде и даже не потребовал денег, прибавив к ней миску супа за свой счёт.

Капюшон перебрался за стойку и начал жадно поглощать еду.

– Эта похлёбка тебя выправит, парень, – сказал хозяин и отошёл к таре с брагой. Он с лёгкостью переставлял бочки, будто они были пустыми.

– Вы, кажется, очень сильны. – Капюшон попытался завязать разговор с полным ртом похлёбки.

– Раньше это было важно. А теперь они используют различные штуковины, оружие, которое возмещает недостаток силы. Плюют на неписанные правила боя. Да уж...

Огонёк в глазах Капюшона засиял с новой силой. Парень опрокинул миску с похлёбкой, чем вызывал угрюмое удивление на лице хозяина таверны.

– Вы были героем?!

– В это так сложно поверить?

– Нет. Никак нет! Вы просто...

– Не похож на этих намасленных, перетянутых выкрашенной кожей и мехом притворщиков?

– Вы не любите героев?

– Я расскажу тебе историю, пацан.

Любопытство отвлекло Капюшона от всего происходящего и когда-то происходившего. Он забыл про похлёбку, от которой ещё пару минут назад не мог оторваться. А хозяин таверны плеснул в кружку браги и уселся напротив.

– Наверное, это было лет семнадцать назад, я и мой верный друг Руфил отправились спасти одну из сестер

Грифлот.

– Она была принцессой?

– Одной из девяти дочерей богатого торговца. Девки у него – редкие ловцы недоли. Можно было найти одну и тут же отправляться на поиски другой. В тот раз нам досталась его старшая; ну, на тот момент она была старшей. Бестолковые недогерои... – он стиснул зубы. – Ну так вот. Мы отправились в крепость Легендона, на то время он был одним из самых жестоких и подлых злодеев. Руфил боялся как мальчишка, хотя ему уже стукнуло двенадцать, и у него за плечами было несколько действительно серьёзных схваток с тварями и злодеями. Легендон мог напустить страха... Когда герой идёт на задание, в его уме нет места ничему другому. Он думает только о первичной цели. Одна за раз. Если мне нужно убить злодея и спасти девушку, я должен выбрать, что важнее – живая красотка или мёртвый злодей. А если идёшь на задание с напарником, убедись, что обе головы думают об одном. О чём я говорил?

– Вы говорили о Легендоне, Руфиле и о тогда ещё старшей дочери Грифлот, – парень, замороженный историей владельца таверны, разинул рот.

– Да. Он сидел в своей башне под охраной сорока диких гиппопозубов. Эти твари коварны и кровожадны. А главное – их скорость! Разящий гиппопозуб в одиночку может повалить неподготовленного героя. Пока мы расчищали путь, один из них напал на Руфила и переломал парнишке все рёб-

ра. И вот мы с Руфилом на спине и с топорами в руках, – он указал на три топора, висевшие над баром, – и перед нами встал Легендон... Даже несмотря на свои травмы, Руфил, как и я, преследовал одну цель – спасти девицу. Проход, удар, ещё один, опять удар, блок! – размахивая кружкой, но не расплескав ни капли, герой в отставке передавал весь пыл давней битвы. – Он проскользнул мне за спину и хотел нанести удар, но я, не отвлекаясь на Легендона, ринулся к клетке, в которой была заточена старшая из Грифлот. Руфил, сидя на моей спине, отразил удар и прикрыл мой тыл. Я разнёс кандалы, и девица была освобождена. По закону чести, о котором нынешние герои и злодеи ничего и не слышали, Легендон был вынужден сдаться и скрыться в тумане. Или это был дым... Отличная была схватка...

– И это всё?

– Что значит всё? – хозяин таверны чуть не подавился брагой. – Я тебе говорю о том, что раньше были понятия чести, ценности единой цели, настоящие злодеи и чудовища. Спроси любого из современных героев, что для них важно. Очки! Цифры на досках! Романтика погрязла в брюквоватии...

– Бюрократии.

– А я что сказал?

– Я вас понимаю... Я просил помощи, и никто из ваших посетителей не откликнулся.

– Ещё бы! В моём заведении нет героев.

– Я понимаю, что для вас их нет уже много лет, но те, кто

сейчас себя таковыми считает, отказали мне.

Глаза хозяина таверны налились кровью. Он уронил кружку с брагой и схватил Капюшона за грудки.

– Что ты сказал?

– Я не хотел вас обидеть, просто...

– Кто? Покажи мне.

Парень не был ябедой или предателем, но в ситуации, когда на тебя смотрят два красных, сияющих огнём глаза, горячий воздух из ноздрей обжигает лицо, а стиснутые челюсти издают такой звук, от которого хочется спрятаться под одеялом у любимой бабушки, никто не смог бы сохранить степенное молчание.

– Вот они, – Капюшон указал на трёх героев, вернувшихся в заведение.

То, насколько быстро произошли следующие события, нельзя определить даже с помощью линейки времени, а на Флидоре такая имеется. Первый закон словоскладов гласит: «Воздух нельзя увидеть, но про него можно прочесть».

Словосклад должен уметь не только упомянуть удар молнии, но и драматичность этого удара, чувства сгустка энергии, чувства дерева и конфликт, сложившийся между разрядом и древесной корой в момент столкновения.

Но вернёмся в «Три топора». Деревянная кружка в руке расвирепевшего владельца заведения прошла вскользь по лицам троих воинов. Выбитые резким ударом из временной линейки, герои и Капюшон потерялись в моментах прошлого

и настоящего.

– Мы же вошли в таверну... Почему мы опять на улице, – удивился один из них. Двое других не могли ему ответить, так как учились заново отличать низ от верха. Капюшон пришёл в себя довольно быстро, но двигаться не торопился, потому что однажды начитался книг про внутриголовные изменения и непонятие боли. Он застыл в ожидании симптомов полумок ума. Парень не попал под удар, но всё же каким-то образом переместился из трактира на улицу вместе с тремя воинами. Его отвлекли разговоры пострадавших посетителей «Трёх топоров».

– Точно вам говорю, что-то не так. Могу поспорить, у меня было восемнадцать зубов, а не пятнадцать! – Неразборчиво промычал герой, пытаясь в очередной раз пересчитать зубы языком.

Дверь «Топоров» открылась, и оттуда вылетела табуретка. Герой пришёл в себя в таверне напротив, где и провёл следующие три дня за кружкой браги в поисках слов, которые помогли бы узнать, как он туда попал.

Дверь захлопнулась и вернула Капюшона в реальность.

– Чтоб я больше вас здесь не видел! – добавил владелец из-за двери с табличкой «Не для героев», которую юнец заметил только сейчас.

Парень встал, отряхнулся, огляделся по сторонам и направился следом за табуреткой, убравшей с улицы одного из трёх воинов. Так он оказался в таверне напротив.

Обстановка в этом заведении отличалась от «Трёх топов». Тут было только два человека, один из них – уже знакомый герой, покрытый опилками и щепками от табуретки, а второй, по-видимому, владелец таверны.

Капюшон слонялся по улицам, точнее, он просто устал искать выход из города и уныло бродил в надежде наткнуться на героя, готового помочь. Он разозлился на свою беспомощность и с досады пнул камень ногой. Камень подскочил и, оторвавшись от земли, не торопился падать обратно. Маленькое облако песка, собравшееся вокруг ноги Капюшона, также зависло в воздухе, как будто забыло, где ему место.

Следующим знаком неволи была тень. Тень накрыла улицу, Капюшона и весь город. Задржав голову, парень увидел одну из двенадцати лун, один из тех самых осколков планеты, который продолжал небесный путь вместе с Флидорой, не желая уходить в тёмный открытый космос.

Осколок очень медленно плыл высоко над городом; на лицах людей, оказавшихся в тот момент на улице, были написаны тревога и изумление. Вдруг, один за другим, вокруг парящего чёрного острова начали появляться маленькие чёрные пятнышки.

– Ха-ха! – громко захохотал нетрезвый герой. – С доставкой к нашему порогу! Такого и не ждали!

На возникший в голове Капюшона вопрос тут же раздался ответ от другого героя, выбравшегося из таверны.

– Монстропад!

2 Недоля на первой улице

Хозяин «Трёх топоров» начищал барную стойку, как это часто делают трактирщики в свободное от разлива браги время. Тряпка в его мощной руке выглядела как детский платочек. Это, наверное, было единственным, что выдавало в нём геройское прошлое. Сильные крупные руки на довольно округлом туловище, густые брови и усы как у моржа (хотя на Флидоре они и не водятся), выразительная мимика. Тело уверенно держится на довольно коротких для среднестатистического жителя ног. Хотя статистика на Флидоре прихрамывала, как и сам трактирщик. Глядя на него, можно было с уверенностью сказать – это хозяин заведения. Посетители время от времени поглядывали на него и перешёптывались, вспоминая недавний эпизод.

Из-за двери раздался приглушённый крик. Последовала пауза. Люди в трактире поотрывали головы от кружек и прислушались. Крик повторился.

– Монстропад... – кто-то тихо повторил услышанное.

Эхом слово пронеслось по всему заведению. Выпивохи и работяги повставали и заорали – «Монстропад!»

Из-под плащей и накидок появилось оружие, и выпивохи с работягами, за коих они себя здесь выдавали, сломя голову начали биться в дверь. Но ввиду своей пропускной спо-

собности дверь не могла позволить такому количеству людей одновременно перестать быть внутри и оказаться снаружи.

– Вы что, все герои, что ли? – с наивно-взбешённым удивлением крикнул содержатель таверны.

– Прости, хозяин, но твоя брага – самая лучшая на этой стороне Быстрого моря! – выдавил один из воинов, теснящихся в дверях.

– Да, брага у тебя отменная! – поддержал другой, пытаясь своей булавой проделать щель в тесной толпе.

Хозяин сгоряча ударил кулаком по стойке. Если предположить, что деревья могли испытывать боль даже после того, как плотники надругаются над их телами, то такой удар успокоил бы раненый кусок древесины раз и навсегда. Внезапно в потолке образовалась дыра – стая саблеклювых дятлов продолбила крышу.

Саблеклювый дятел – не самый опасный монстр, появляющийся во время весенних монстропадов, но он является настоящей напастью для материальных ценностей. Эти птицы путешествуют вместе с некоторыми из лун Флидоры. Теоретически, обладая крыльями, они могли бы в любой момент спускаться на землю, но короткая память быстро удаляет все следы существования мира за пределами луны, на которой они рождаются и растут. А по весне любопытство заставляет их последовать за другими монстрами, спускающимися вниз, и ненадолго открыть для себя существование новых земель, окольцованных Стеногорами. Любознатель-

ность и здоровый аппетит вынуждают дятлов искать еду во всём великолепии и разнообразии нового света. И как следствие...

Саблеклювые дятлы заполнили помещение и тут же приступили к единственному и любимому занятию – долблению. Скорость, с которой здоровый взрослый дятел расщепляет деревянные предметы, превосходит даже быстроту героев, поглощающих брагу после долгого путешествия.

Геройское скопище в дверях на мгновение обернулось, но, не предав значения стае дятлов, продолжило толкаться к выходу.

– Вы что, не видите их? – с удивлением прокричал хозяин таверны.

– Извини, хозяин, нет времени! – хором ответили ошалевшие воины.

– А как же подвиги? Спасение мирного населения? Чувство долга?

– Дятлы нынче не очень популярны, тут долбоклюев очков на пять...

– Бесплатная брага до конца сезона! – бросил трактирщик предложение, от которого, как он думал, нелегко будет отказаться.

– Извини уж, – добавил другой завсегдатай, – возни много.

С этими словами последний герой вырвался наружу, оставив хозяина таверны наедине с двумя дюжинами дятлов.

Тем временем на одной из окраин (а в случае Полупорта, это не обязательно была окраина в привычном понимании слова) Капюшон пытался выбраться из города, охваченного хаосом. По улицам носились озверевшие герои с кривыми улыбками на лицах. На месте приземления каждого из прыгнувших монстров уже поджидал герой. Но тут недоля вступила в игру и приземлила свирепого дробителя на пустую улочку. Почти пустую – только сам хищник, домашний пухолап и Капюшон.

Свирепый дробитель – это один из, так сказать, «свежих» монстров, прибывших на Флидору. Огромный как тупорог, быстрый как кхонь, голодный как все монстры, только что спустившиеся с луны над Полупортом, весом с пару десятков человек, зверь огляделся по сторонам.

Редкий хищник, здраво оценивая свои потребности, а именно аппетит и кровожадность, не стал задерживать красные глаза на пухолапе и сразу переключился на Капюшона. Капюшон, в свою очередь, трезво оценивая свои возможности, сразу переключился с шага на галоп в направлении, противоположном от дробителя.

Не раздумывая над маршрутом, Капюшон устремился по своим ещё не стёртым временем следам к первой улице, надеясь наткнуться на свободного героя.

Пробежав шесть кварталов, парень наконец увидел воина,

пытавшегося сделать своим молотом отбивную из уже трудно узнаваемого монстра. Заметив дробителя, он ухмыльнулся и, пропустив Капюшона, ринулся на зверя, занося молот над головой. Ослеплённый одной-единственной целью, Капюшонам, дробитель не заметил, как герой хлюпнул под его лапами. Судьбу героя в том или ином виде повторили ещё несколько воинов, оказавшихся между Капюшонам и свирепым монстром.

В «Трёх топорах» хозяин таверны сорвал покрытые пылью топоры, висевшие над баром. Он начал гонять дятлов, которые расщепляли стулья, столы и всё то, что он вложил в свой трактир. Количество птиц редело, но ещё быстрее исчезала древесина... Да что там древесина? Недоля всегда имеет козыри в рукаве, и вот уже дятлы переключились на погреб с бочками Волловой браги.

– Только не брага! – завопил хозяин. – Вот он я! Возьмите меня!

Он набросился на оставшихся дятлов.

Играя на его чувствах и эмоциях, неутомимые птицы кружили вокруг бочек, простукивая всё новые и новые дырки, через которые ручьём лилась драгоценная жидкость. А несчастный владелец, замахиваясь, останавливал себя в последний момент, боясь повредить бочки ещё больше. Гово-

рят, эмоции – самый страшный враг любого героя. До сих пор сменивший род деятельности держатель «Топоров» даже не подозревал, что однажды попадёт в подобный капкан.

Аккуратно, как комарика на спящем ребенке, он прихлопнул последних вредителей.

Оставшись в окружении пропитанных брагой опилок, трактирщик не смог сдержать слезу, увидев, что стало с его детищем. Одна бочка браги за спиной, барная стойка, крыша, да входная дверь – вот и всё, что осталось от заведения, выигравшего «Антураж сезона» прошлым летом. Так как заведённые попадают в общий зачёт итоговой оценки, то «Интерьером сезона» премию назвать было нельзя.

Он опустил топор и, хлюпая ногами по браге, затопившей помещение по щиколотку, направился к барной стойке.

Уцелевшая входная дверь оказалась первой на пути дробителя, ворвавшегося в «Три топора» следом за Капюшоном. Парнишка влетел в трактир с отчаянным и громким криком – «Помогите!».

Следом за дверью мир чётких геометрических форм покинула барная стойка, разлетевшаяся от удара хищника, несущегося на всех парах. Слеза скатилась по щеке владельца таверны. Он сдвинул топор и, выдернув из пола второй топор, рванул навстречу зверю.

К удивлению воина, первая атака не увенчалась успехом. К изумлению дробителя, добыча в лице держателя трактира осталась живой и всё ещё монолитной. Герой в отставке,

опираясь на топор, встал с колен и отряхнул широкую рубаху с бражными листьями и досками для осёдлывания волн.

Он проверил лезвие топора с полной уверенностью, что оно просто затупилось. Осознание того, что проблема – не в притупившемся лезвии, а в притупившейся реакции, добавила гнева. Руки сжали древки ещё сильнее. Владелец «Топоров» повернулся к зверю, но тот был начеку и успел насадить его на свой плоский тупой рог. Почувствовав боль в области живота, трактирщик надул щеки, собрался, выдохнул и, замахнувшись, уверенно всадил оба топора в лоб монстра. Зверь забыл, как бежать, и лапы его просто обмякли. Кубарем, вместе с хозяином трактира на своём носу, он выкатился на улицу, прямо в сборище мирных горожан и героев.

Пыль осела, щепки осыпались, и толпа узрела огромное существо, потерявшее привилегию дышать из-за двух топоров, торчащих из его головы. Вокруг не было и следа владельца орудий.

Люди, убедившись в отсутствии признаков жизни у зверя, шаг за шагом начали приближаться к существу, которое теперь без страха можно было называть тушей.

Один из героев храбро подскочил к дробителю и воткнул свой ржавый меч в гриву зверя.

– Теперь вы в безопасности! – визгливо заявил герой.

– Но ведь он уже был мёртв, – удивлённо, но неуверенно сказал голос из толпы.

– Нет, я видел, как он шевельнулся. Но теперь вы все спа-

сены!

– Да нет же, он не двигался! Я глаз с него не спускал, – с завистью сказал не столь шустрый герой, стоявший позади.

– Вот почему тебе никогда не стать Легендарным героем! Ты невнимательный. Но моя реакция спасла вас всех! Не стоит благодарности. Просто по возможности упомяните, что Громоглас Яростный спас всех вас в этот день.

Тут вдруг лапа дробителя зашевелилась, и толпа вздрогнула. Герой обернулся и, попытавшись выдернуть свой меч из монстра, сломал его. Реакция Громогласа и вправду была поразительной. Никто не успел спохватиться, как он уже был в нескольких кварталах от хищника. Остальные тем временем застыли в ожидании. А из-под лапы зверя показался Он.

Герой в отставке вылезал из-под туши, пока остальные вместо того, чтобы помочь, охали и ахали от восторга.

Встав на ноги, владелец таверны прошёлся по зевакам взглядом, в котором презрение и гнев породили что-то новое и пугающее.

– Ты! – хозяин того, что недавно было таверной, ткнул пальцем в одного из героев, стоявших в толпе. – Ты же один из моих завсегдатаев, так?

– Я... Нет, вы наверное путаете меня с моим братом. Я вообще завязал с брагой пару лет назад. Цветочная диета.

– Герой, который не пьёт брагу и не ест мяса? – трактирщик сплюнул. – Как вы вообще оружие в руках держите?!

– Учения говорят...

– Я слишком стар для ваших учений! – заорал рассвирепевший трактирщик, одним движением выхватил из-за спины свой третий топор и метнул его в недодолблённую вывеску своего заведения. Последний в округе саблеклювый дятел закончил недолгую, но славную жизнь, занимаясь любимым делом.

Вывеска, прикреплённая цепями, сделала два оборота вокруг своей оси и, скрипя, продолжила качаться вместе с топором и дятлом.

– Вы! – крикнул бывший герой в толпу. – Одержимые наградой, своим внешним видом и каким-то громким названием! Я терпеть не могу всех и каждого из вас за то, во что вы превратили слово «Герой». Когда-то мы защищали горожан, спасали девиц, охотились за сокровищами, убивали всё, что попадалось на пути, и в конце дня упивались брагой просто потому, что в этом и был весь смысл. Вы извратили романтику и создали игру, где имеет значение только собственная слава!

Герои, стоявшие на улице, переглянулись. Не то чтобы им стало стыдно, но бывают такие моменты, когда нужно просто побыть тише воды, ниже травы, не привлекая внимания и надеясь, что скоро всё закончится.

А простые горожане, те, что постарше, слушая речь воина-бунтаря, кивали, соглашаясь с его словами. Один Капюшон выделялся из толпы; не шевелясь, он стоял в дверях «Трёх Топоров». Он часто моргал и дёргал левым уголком

рта, что выдавало в нём натуру впечатлительную.

Сцену прервал и развеял человек с повязками на руках. Эти повязки были отличительной чертой Носов – ещё одной, по мнению многих, переоценённой профессии на Флидоре.

– Мир вам, горожане и герои! – завопил странный человек с пером в волосах и выдающимся розовым носом. – Я бы хотел запечатлеть это геройство, свидетелями которого вы все стали в этот знаменательный день, для истории и рейтинга.

Люди сбежались и окружили официальное лицо с повязками. Они, сгущая краски, принялись описывать происшедшее на первой улице Полупорта. Законспектировав достаточно отзывов от горожан, человек начал искать виновника свершившегося геройства.

– Кто из вас, герои, прервал жизнь, насыщенную злодеяниями? Кто сразил ужас во плоти и предотвратил террор? – Нос продолжал пафосно сыпать банальностями.

Владелец таверны отвернулся и подошёл к болтающейся на ослабевших цепях вывеске своего заведения, чтобы вытащить из нее топор.

Капюшон догадался, что стоит хозяину удалиться, как его подвиг будет присвоен самым шустрим, и, не задумываясь, ткнул пальцем в направлении уходящего героя.

– Я так понимаю, пострадавшая таверна принадлежит вам, о, могучий воин, сразивший неистового зверя? – Нос продолжал распинаться перед толпой, а хозяин разгромлённого трактира, не обращая на него внимания, захлопнул за

собой остатки двери. – Я бы хотел узнать ваше имя, и тогда Гильдия героев возместит вам ущерб.

Трактирщик высунулся на улицу и, всё так же хмуро глядя на толпу, представителя Гильдии и Капюшона, вышел, практически не задевая захлопнутую дверь. Пострадавший победитель назвалса, но его никто не услышал.

– Я не расслышал вас.

– Кузнец. Меня зовут Кузнец.

– Какое исключительное, геройское имя... – Нос невозмутимо осыпал держателя трактира комплиментами, копаясь в бумагах, неожиданно появившихся из-под его одежд. – Давайте проведём опись пострадавшего имущества!

Они вошли в «Три топора».

Кузнец посмотрел на то, что ещё утром было самым людным заведением Полупорта, и перевёл взгляд на розовый нос писаки.

– Таверна. Одна штука, – сухо произнёс Кузнец. Нос очень быстро расписал одну таверну в пятьдесят шесть стульев, двенадцать столов, восемь высоких стульев для барной стойки, саму барную стойку, две сотни кружек, полсотни мисок, несколько дюжин кухонных принадлежностей, о существовании которых Кузнец не имел ни малейшего представления, а также полный лист мелочей, каких там никогда и не водилось. «Зачем же оспаривать мнение официального лица? Невежливо как-то...», – подумал трактирщик и не стал поправлять Носа.

Тем временем на улице объявился *художник современно-го направления*. На самом деле, как классические художники, так и самоучи отвергают этот род учения и не причисляют его последователей к людям искусства. Мирные жители называют таких отщепенцев себяписцами.

«Как они называют себя сами?» – этот вопрос идёт следом за волнующей темой – «Может ли кролик делать сальто?».

Сами же они считают, что преподносят через призму авторских переживаний в своих работах то, что невозможно передать цветами и штрихами.

Себяписцы устанавливают зеркала над мольбертами и, повернувшись спиной к желаемому виду, выливают свои переживания на холст, где на переднем плане всегда будет лицо творца, а само событие послужит фоном.

Самоучи головных простуд объясняют это ярко выраженной тягой к самолюбованию и страху быть незамеченными. Разработанная терапия предлагает смотреть на солнце по часу в день, пока лёгкая дымка в глазах не станет постоянной.

Капюшон, сам того не зная, был запечатлён на картине, так же, как и один из героев, незаметно для остальных закинувший ногу на тушу дробителя. С уходом себяписца начала расходиться и толпа. И только воин, ненавязчиво позировавший у тушки, увязался за автором полотна в попытке выторговать у него картину.

На опустевшую улицу вышли Кузнец и представитель Гильдии героев. Нос подводил итоги описи. Капюшон молча

наблюдал за их диалогом.

– Прекрасно, – Нос поставил точку. – Теперь мне потребуется ваш регистрационный номер, и уже завтра мы приплём плотников.

– Что это значит? – хмуро удивился Кузнец.

– Мастера по дереву займутся изготовлением мебели и интерьера, – так же удивлённо пояснил Нос.

– Я знаю, чем занимаются плотники. Что значит *регистрационный номер*?

– Вы же герой?

– Когда-то в прошлом...

– Хм... Насколько в прошлом?

– Настолько, чтобы не понимать, о чём ты говоришь.

– Ах... – Нос задрал голову и убрал бумаги под одежду. –

Варвары хаоса...

– Допустим. – Кузнец сдался и не стал просить расшифровывать каждое слово, сказанное гильдейским бюрократом.

– Вам придётся зарегистрироваться, пройти аттестацию, и тогда вы сможете стать героем. Может, за это время накопите на ремонт... – не договорив, Нос развернулся и, забыв о существовании Кузнеца, направился вверх по улице.

– А как же моя таверна?

– Гильдия не работает с незарегистрированными героями... Или как вы себя называете... – не оборачиваясь, ответил Нос и ускорился.

Улица совсем опустела, Кузнец молча стоял и смотрел на

то, что не так давно было «Тремя топорами».

– Мне очень жаль, что так получилось с вашим заведением. – Фраза вылетела из-под капюшона. Парень всё ещё стоял на первой улице.

– А тебе-то какое... Ты! Ты привёл эту тварь в мой дом! – Кузнец рассвирепел и грозно подступил к Капюшону.

– Мне очень жаль! Я впервые в городе, и это единственный известный мне маршрут. Я думал, что смогу скрыться от этого чудовища в вашей таверне.

– А ты не самый смыслёный, да, пацан? – остыл и усмехнулся Кузнец. – Никакая дверь не остановит монстра вроде дробителя.

– Я когда боюсь, не успеваю думать.

– Эх, недоля мне по голове, – он снова посмотрел на всё ещё трясущегося мальчишку, – Хочешь похлёбки?

Капюшон кивнул.

– Пойдём. – Кузнец махнул рукой, приглашая парня внутрь. Стальной котёл дятлам не по вкусу.

3 Последняя воля

Пасть Бегемота – это пещера, выходящая на тёмную сторону Двухцветной горы. Гора была так названа Алдеем Дортом, самоучем первого поколения, изучавшем просторы Чаши, и вторым её картостроём. Именно его карта получила признание жителей Чаши. Карта Лимпа Флизера, первого картостроёра, была популярна только среди жителей Ямы, и на ней это место называлось Колун. Название оправдывала форма горы с острой скалистой верхушкой, рассекающей облака, что по недолге наткнулись на Колун. А Двухцветной горой её называли из-за заснеженности на одной стороне, куда никогда не доходил солнечный свет, и голых камней на другой.

Алдей Дорт любил рассказывать о том, как и почему он называл места. Его очень веселил абсурд названия и разделения сторон Двухцветной горы. Тёмной именовали освещённую солнцем часть за тёмный цвет камней, а светлой – как раз сторону, находившуюся в тени, по причине белоснежного покрова. Кстати, на обеих картах пещера называлась одинаково, просто жители Ямы произносили название грубо и пренебрежительно.

Итак, Пасть Бегемота, устрашающая своим видом, распо-

лагалась на высоте тысячи пышков¹. Лишь одна горная тропа ведет к Пасти, и та не пользуется популярностью. Каждый местный, а это жители трёх деревень и одного средненького города вдвое меньше Полупорта, расположенных на Косматых равнинах вдоль Резвой реки, на вопрос – «Что такого ужасного происходит в Пасти Бегемота?», ответят – «Не знаю. Главное, чтоб подальше от моей крыши!».

Люди предпочитают не поминать прошлое лихом, а за Пастью Бегемота водилось настолько много грешков, что у всех, кто с этим сталкивался и сумел вернуться, память как отшибло. Остальным, менее счастливым, отшибло и сам сосуд для памяти. Именно эти сосуды, опустевшие с годами, тут и там попадаются блуждающим по горам самоучам, собирающим травы и грибы. Черепа своим видом напоминают о необходимости сменить маршрут минимум на девяносто, а лучше – на все сто восемьдесят градусов. Человеческий череп во все времена, намного лучше любого знака или забора, служил невидимой оградой.

¹ Пышок на Флидоре – это мелкий рогатый скот. Примечателен двумя особенностями. Первая – это его ценный мех, которым когда-то давно начали набивать подушки, а также укладывать в детские колыбели. Есть мнение, что с тех пор количество жителей Чаши увеличилось относительно жителей Ямы. Причиной тому хороший сон, благодаря которому ворчливый житель Ямы, в одно утро, которое он первый раз в жизни называл прекрасным, просыпался жителем Чаши. Вторая особенность – это их неменяющийся рост. Все пышки примерно чуть выше уровня колена взрослого человека, но т.к. люди всё-таки разного роста, то и количество пышков в человеке отличается. Рост жителей Флидоры, в основном, от четырёх до шести пышков.

И ведь есть чего бояться!

Войдя в Пасть Бегемота, мы оказываемся напрямиком в цитадели Легендона – одного из величайших злодеев прошлого и единственного выжившего до сих пор. Много лет о нём никто не слыхивал. А он тем временем взращивал зло. Истинное и абсолютное. Если быть точным – четыре зла.

Пробираясь в глубь багрово-коричневых коридоров, мы попадаем в огромную залу с десятком слуг и картинами сражений, катастроф и трагедий на стенах. Имеются там и трофеи в виде оружия или частей обмундирования с именами героев на блестящих табличках. Славные воспоминания о жестоком и кровожадном прошлом, уже начавшие ускользать из стареющей головы злодея... В центре этого музея расположена кровать с балдахином всё в тех же багровых тонах. В кровати Он, а вокруг – все его четыре зла: Вульгар, Многоером, Низверг и Скуп.

– Дети мои! – хриплым басом молвил Легендон. – Что такое зло?

– Плохие, каверзные поступки? – не открываясь от жареной ножки страрыси, чавкая и булькая, произнёс Многоером.

– Нет, сын. Плохими и каверзными поступками наполнена каждая детская площадка, но ведь это не делает всех карапузов злыми.

– Страдания! Безмерные и бесконечные страдания! – резко выкрикнул Низверг.

– Нет, сын! Страдания – всего лишь приятное следствие,

которое мы, злодеи, получаем в награду за свершённое зло. – Легендон ухмыльнулся, вспоминая горе, причинённое им сотням героев и тысячам горожан.

– Лишение. Лишить жертву всего, чем она обладает, чем дорожит! Оставить ни с чем и оставить жить. Жить и видеть, как всё, что было ей дорого, растрачивается и обесценивается в твоих руках, – Скуп упивался своей речью. – А когда...

– Нет! – Легендон прервал третьего сына. – Нет, нет и нет!

Он подтянутся в кровати и сел, чтобы лучше видеть своих детей и смотреть им в глаза.

– В ваших словах есть зло, но это лишь детали, способы достижения цели и результаты, которые мы так ценим. Но настоящее зло выше всего сказанного! Зло – это путь, и вы должны показать и доказать мне, что способны и желаете идти по нему. Я хочу, чтобы вы увидели этот путь так же ясно, как вижу его я! Перед тем, как я перестану жить и уйду в чёрное небытие за пределами Стеногор, вы должны доказать мне, вашему отцу, что силы, вложенные в ваше воспитание, не были потрачены зря. Доказать, что вы достойны занять трон и стать Злом, какого Яма ещё не видывала!

Сыновья переглянулись, кивая и поддакивая отцу. Каждый из них почувствовал подвох в словах старика, и он не заставил себя ждать.

– Посему, каждый из вас получит задание и год на его выполнение. Первый выполнивший мой указ займёт моё место, остальные будут служить ему.

Разочарованные вздохи раздались вокруг ложа Легендона. Прочистив горло, отец подозвал детей по одному и прошептал что-то им на ухо. Легендон неспроста являлся одним из Легендарных злодеев Флидоры. Сделав задания тайными, он заставил сыновей ополчиться друг против друга в достижении цели и тем самым добавил дровишек в костёр зла.

Скуп вышел из отцовской комнаты с недовольным лицом. Он возмутился и что-то бубнил себе под нос. У огромных дверей его встретила верная слуга Гакка. Скуп, не останавливаясь, шёл в направлении подальше от зала отца. Гакка не отставала и ждала указаний хозяина.

Время их молчаливого шествия по бесконечным, запутанным и слабо освещённым коридорам пещер можно с пользой потратить на описание внешнего вида парочки.

Скуп – высокий, довольно узкий в плечах; своей походкой и стойкой создаёт ощущение, что он намного шире, чем есть на самом деле. Его левое плечо всегда немного впереди. Так, при ходьбе он выглядит гораздо внушительнее, и его наряд смотрится лучше. Так думает Скуп. Одежды его сильно выделяются в багрово-коричневом интерьере. Тёмно-зелёные, необычно узкие для этих краёв штаны, такая же узкая рубаха и длинный плащ с высоким воротом и ярко-зелёной подкладкой. Под плащом виднеются ножны, богато оформленная рукоять выдвинута немного вперёд так, чтобы её было видно. Ножны при быстром шагании сильно раскачивают оружие, что делает ходьбу не очень удобной. Скуп скрывает

своё слабое зрение и, как следствие, часто щурится. По его мнению, такая гримаса добавляет зловредности его образу. У него длинные тёмные волосы и гладкое, красивое лицо, которым он обязан своей матери. Будь у него борода или хотя бы щетина, шрам на подбородке смотрелся бы намного лучше или не был бы виден вовсе. С самого детства он скрывает то, как получил эту отметку, хоть она и добавляет грозности и мужества его персоне.

Гакка на голову ниже Скупа. Она худая, но тело её излучает невероятную физическую силу. Движения резкие и чёткие. У неё светлые волосы и прекрасное молодое лицо, переchёркнутое прямой линией губ и сведёнными бровями. При всей её тяге к синим тонам, она вынуждена носить зелёное, как её хозяин, но любимый цвет проявляется в деталях – синие ножны, ремень и избыточное количество ленточек. На правой руке она носит перчатку, чтобы скрыть от глаз Скупа кисть, оставившую шрам на его подбородке. Чтобы не отвлекать внимания от тёмных локонов Скупа, Гакка ходит в синей бандане. Скуп назвал это компромиссом: Гакка прячет волосы, но может выбрать цвет платка. Она была очень рада, что Скуп не успел предложить обрить её налысо. Как и другие прислужники сыновей Легендона, Гакка была выкрадена из родной деревни и воспитана как верная слуга зла. Во всяком случае, таков был замысел Легендарного злодея.

Молча они дошли до комнаты Скупа. Войдя, он громко хлопнул дверью, в которую Гакка едва успела проскочить. А

вот её плащ не успел, но, чтобы не нарушать антураж пылающего гневом хозяина, она осталась стоять у двери.

Скуп расхаживал взад-вперёд по комнате. Внутреннее недовольство должно выйти наружу, тогда можно начать думать. Он искал недорогой ему предмет интерьера. Выбор пал на статуэтку, подаренную Вульгаром. Кусок камня некорректной для повествования формы никогда не нравился Скупу, и когда он разлетелся на кусочки от удара об стену, на лице у злодея появилась радостная ухмылка. Гнев утих, и голова стала холодной.

– Подумать только! – не переставал возмущаться отпрыск Легендона. – Год на развитие нашего...

Скуп вдруг застыл, и, казалось, в тихой комнате можно было услышать, как напряжённо работает его мысль.

– Ты чем-то расстроен, хозяин? – пугливо выдавила Гакка.

– Уже нет, – уголок его рта нервно дёрнулся. Он сосредоточился, нахмурил брови, и лицо его снова приобрело коварный вид.

– Что сказал твой отец? – спросила озадаченная Гакка, подёргивая плащ, застрявший в двери.

– Отчаяние. Я должен принести жителям Чаши отчаяние. – Он расплылся в презрительной улыбке. – Уничтожить символ. Раздавить их веру их же гордостью!

– Как мы это сделаем, мой алчный господин?

– Я убью Легендарного героя...

4 Герои и злодеи

– Легендарный герой? – удивлённо пробормотал парень.

Скинув капюшон, он сидел перед Кузнецом. Трактирщик стоял по другую сторону обгрызенной и продолблённой барной стойки, опёршись локтем о шаткую столешницу. Хоть Кузнец и подлатал её на скорую руку, но от бывлой прекрасно отшлифованной и цельной конструкции осталось лишь нечто похожее на хрупкий остов.

– Да. Раньше это значило немного больше... – хозяин «Топоров», рассеянно ковыряя деревянной ложкой в содержимом миски, не мог оторвать взгляд от обломков мебели и жалких остатков интерьера. Вид родного заведения напрочь отбивал аппетит.

– Почему? – прихлёбывая суп, спросил Капюшон.

– Ты был на улице? Слышал, что я говорил?

Парень кивнул.

– Сейчас из героев сделали клоунов, которые развлекают толпу. Да и сами они, озабоченные только таблицей лидерства, рады стараться! – Кузнец рассвирепел, бросил ложку и с шумом отодвинул миску от себя. – Главное, побольше очков набрать до конца сезона! Цифры делают героев! Понимаешь?!

Парень наклонил голову, прижал миску к себе и опу-

стил ложку, внимательно слушая бывалого воина. Он кивнул, поймав на себе тяжёлый вопрошающий взгляд Кузнеца.

– Легендарными героев делали люди, а не таблица успеваемости! Да тогда даже героями никто себя не называл, недоля им по голове! Мы были воинами, искателями приключений, защитниками мирных жителей или ещё кем угодно. Люди называли нас героями! Они делали нас Легендарными! – Он успокоился, вздохнул и вернулся к обеду. – А ты чего не ешь?

Капюшон решил, что буря миновала, и снова принялся трапезничать.

– Но вам ведь надо зарегистрироваться, чтобы ваше заведение отремонтировали, да?

– Да уж, будь они прокляты! – причмокивая, согласился Кузнец.

– Могу я пойти с вами? Может, там я найду того, кто поможет моей деревне.

– На твоём месте я бы на это не рассчитывал ... – Кузнец привычным жестом убрал посуду со стола. – Но пойдём.

Парень вскочил со стула и, поспешно поправив балахон, рванулся к выходу.

– А ты резвый! – усмехнулся Кузнец, медленно ковыляя позади. – Как тебя зовут, парень?

– Я Искор! – улыбнулся парень. – Очень приятно!

– А я Кузнец... – хмуро проворчал герой. – Пойдём.

Шагая по запутанным улицам Полупорта, Капюшон засыпал героя вопросами о зданиях, людях и, конечно же, тушах монстров, которые теперь были заботой мирных горожан. Герои не привыкли убирать за собой. А жители Полупорта ещё не приноровились к монстропадам над своим городом.

Гильдия взимает с горожан плату за чистки и ремонты, так или иначе связанные с подвигами. Уборщики разделились на два типа. Так, первые работают на Гильдию героев и убирают улицы и дома тех, кто думает о недоле и желает обезопасить себя и свою крышу от её проделок. Вторые же – это горожане, полагающие, что у недоли нет планов на них и их имущество.

– Не для того я переехал в этот город, чтоб таскать чужое счастье... – причитал один из горожан, еле передвигая тележку с тушей очередного существа.

– Да... – кивнула старушка, сидевшая на единственной уцелевшей ступеньке своего порога. – Коль монстропады начались над городом, добра не жди.

– Я и переехал-то в Полупорт потому, что он вне зоны монстропадов. – продолжая пыхтеть, выдавил парень. – А теперь что это получается? Мне нужно новое место искать?

– А толку? Из Ямы не убежишь...

В первые дни монстропадов активность на улицах многих городов, привыкших к таким событиям, возрастает. Лю-

ди латают свои дома, ворота, лавки и конечности. Но не так обстоят дела в Полупорте! Там в дни монстропада жители выходят за стены города для покраски этих самых стен. В отличие от всех предыдущих монстропадов, сегодняшний оказался необычайно густым и пришёл на самый центр города.

При закладывании новых и старых городов самоучи градостроения всегда придавали особое значение местам монстропадов. Город должен быть близко, чтобы герои быстрее смогли туда добраться, но ни в коем случае не в самом эпицентре осадков. Полупорт же находился вдали от всех лунных маршрутов. Этот факт привлёк внимание Кузнеца.

– Странное дело... – глядя на кучки дохлых монстров, проговорил Кузнец. – Самое близкое место осадков за те восемь лет, что я здесь живу, было в полудне пути от города. Не нравится мне это...

– А чем вы занимались между монстропадами?

– Начнём с того, что я не Его Величество. Говори проще.

– Простите... То есть прости. Так чем ты занимался?

– Хватало дел и без тварей с неба! Злодеев в Яме больше, чем монстров на Плавающих лунах. Да и во время монстропадов большая часть хищников разбегается по лесам, полям, горам и пещерам. – Он усмехнулся. – Вот помню, мы провели несколько дней на лужайке, катаясь по земле со смеху. Несколько дюжин морских куропадов пытались удрать от нас в ближайшее озеро. А мы прикатали бочонок браги

и раз в несколько часов пододвигались ближе. Представь себе огромную птицу с плавником вместо лап, на всех парах стремящуюся к воде, где она рассчитывает скрыться от преследования. Они не спали всё время, что мы провели у них на хвосте. Сотня шагов в день – такая была у них скорость. Эх...

– У тебя очень много историй, Кузнец, – задумался Искор. – Почему ты забросил геройскую жизнь?

– Не твоё дело, пацан, – отрезал вояка. – Мы уже почти пришли.

Они стояли перед воротами Гильдии героев. Здание было несуразно ярким, с огромным куполом в центре конструкции, десятками флагов, гербов и табличек.

Герой в отставке и Капюшон зашли внутрь. Если бы в муравейнике были базары, они бы выглядели именно так. Люди ползали друг по другу, все кричали и размахивали свитками, оружием и трофеями в виде клыков, рогов и голов. Один герой стоял, держа перед собой клешню, из-за которой его самого не было видно. Он пытался нащупать дорогу, вытягивая ногу и ориентируясь на слух, но расслышать конкретный звук или голос в этом хаосе было невозможно.

– Ну, удачи тебе, парень! – Кузнец махнул рукой и скрылся в толпе.

– А как же... – Искор не успел договорить, и его слова растворились во всеобщем гомоне.

Он остался один в этом балагане. С одной стороны, здесь

имелся огромный ассортимент героев. С другой, – достучаться, докричаться, а позже – заинтересовать и добиться понимания было невозможно. Начало монстропида, возросшая активность злодеев в последнее время, – и что мог Искор на таком фоне предложить героям?

– Луковый суп! В неограниченном количестве! Ночлег в любое время и благодарность старейшин! – в отчаянии парень выкрикивал всё, что приходило в голову, суля даже больше, чем его деревня могла предложить героям. – Да, тётушка Клавдия... Нет, она не молодая распутница... Но она готовит прекрасный луковый суп!

– Идём со мной, – Искор обрадовался, но, обернувшись, увидел знакомое угрюмое лицо.

– Ты поможешь мне, Кузнец? – с надеждой спросил парнишка.

– Нет. Это ты поможешь мне! – он схватил Искору за капюшон и потащил через толпу.

Кузнец двигался как ледокол, продавливая путь без особого сопротивления. Через несколько тяжёлых для тела Капюшона мгновений они остановились у окошка представителя Гильдии. Над ним висела красочная табличка – *Регистрация*.

– Вот! – Кузнец предъявил парня, будто тот был какой-то вещью или документом.

– Хорошо. Как зовут вашего секунданта? – поинтересовался представитель Гильдии. При этом Нос высунулся из

окошка и смерил юнца взглядом.

– Искор. – гордо объявил Кузнец.

– Искор... – вопросительно протянул Нос, ожидая продолжения.

– Просто Искор. Разве одного слова мало, чтобы назвать человека? – удивился Капюшон и переключился на своего попутчика. – Кузнец, а что значит *секундант*?

– Секундант – это личный ассистент, помощник и сопровождающий героя. Если герой желает участвовать в соревновании за звание Легендарного или числиться в рейтинге, он должен иметь секунданта, который будет вести хронографию подвигов и приключений, а также регулярно сдавать Гильдии отчёты о подвигах, – отрапортовал Нос.

– То есть мы теперь напарники? – лицо парня, обращённое к Кузнецу, осветила улыбка. – Я готов, господин представитель! А как часто нужно это делать? И в какой форме? А что, если...

– Вы получите Кодекс Секунданта и сможете найти ответы на все вопросы, интересующие вас и вашего, хм, героя... А теперь распишитесь и пройдите на аттестацию.

Оба поставили крестики на свитке карандашом, привязанным к столу. Верёвочка оказалась довольно короткой, и ничего, кроме крестика, у новоиспечённых официальных Героя и Секунданта нарисовать не получилось.

– Аттестация? – расписываясь, поинтересовался Кузнец.

– Она самая, – подтвердил Нос. – Пункт аттестации нахо-

дится за Солнечной стеной. Советую поторопиться!

Кузнец не стал вдаваться в детали, решив разобраться на месте. Не задумываясь, он быстро начал прокладывать дорогу к выходу через толпу, а вырвавшись из муравейника Гильдии, попытался сориентироваться на местности и понять, где находится Солнечная стена. К счастью, нужный выход из города был всего в двух кварталах от здания Гильдии.

– Аттестация – это проверка боевых способностей героя. Вам... тебе придётся сразиться с монстрами и доказать свою профпригодность, – произнёс знакомый голос с непривычно серьёзной интонацией. Обернувшись, Кузнец увидел Искора с кодексом в руках.

– А ты куда собрался, парень? Разве внутри мало героев?

– Нет... Но я думал, что мы теперь напарники, и раз ты теперь опять герой, мы могли бы спасти мою деревню.

– Я не герой, пацан... – ответил Кузнец.

– Но ведь... – Искор поник.

– Я – хозяин таверны, и мне нужен ремонт. Если для этого мне придётся пройти через клоунские ритуалы, хорошо. Но я не собираюсь геройствовать. Тем более так, как это делают теперь.

Когда напряжение спало, и Кузнец поутих, парень высунул голову из глубокого воротника.

– Тогда я пойду с тобой к пункту аттестации и поищу там новеньких героев. Может быть, их заинтересует моя беда, – увидев понимание в глазах Кузнеца, он добавил. – А может,

пригодится помощь секунданта во время твоей аттестации. Я ещё не всё прочитал о правилах.

Кузнец кивнул и молча отправился в сторону Солнечных ворот. Капюшон потопал за ним.

Добравшись до квалификационной арены, Искор взял у Кузнеца мешочек с ракушками и побежал узнавать детали насчёт аттестации, а сам трактирщик остался ждать возле огромной деревянной клетки, отделяющей действие от созерцания.

Клетка была, как сетка от насекомых в жаркий вечер, облеплена людьми, ожидающими следующей битвы. Кузнец ходил кругами, вертел топор в руках и бубнил себе под нос: – Надо было тебя отбалансировать, слишком много времени ты болтался без дела... как и я. Слишком долгий был перерыв... Надо было взять щит для этого боя... Эх, вообще не нужно было возвращаться...

Он бросил взгляд на арену и развернулся к выходу.

– Кузнец! Кузнец! – окрик парня не дал его намерениям осуществиться. Возбуждённый Искор бежал обратно с кипой бумаг.

– Ты готов к своей аттестации?

– Что нужно делать? – нахмурился Кузнец.

– Твоя задача – сразить пять Фиолетовых ловчих или

остаться на ногах, пока не выйдет время, – и аттестация у нас в кармане. Здорово, да?

– Что ещё за Фиолетовые ловчие?

– Пауки размером с человека, если я правильно понял.

Глаза Кузнеца широко распахнулись, и Искор разволновался.

– Может, есть что-то с четырьмя лапами или меньше?

– Выбор не велик... Фиолетовые ловчие, пауки-гризли, летающие пауки и двенадцатилапые рогатые пауки.

Кузнец поправил ремень, развернулся и пошёл в сторону ворот.

– Пойдём, пацан. Найдём другую арену.

Капюшон, громогласно возмущаясь, быстро нагнал Кузнеца и, схватив его за руку, попытался остановить. Целеустремлённый воин отдернул руку. Его глаза бегали, а зубы были сжаты, как тиски. Бывалый воин с бесконечным списком приключений за плечами был жутко напуган.

– Я не буду сражаться с Этим. Я НЕНАВИЖУ восьмилапых, ползучих, уродливых... чем бы они ни были... Если хочешь – иди сражайся сам, но я не останусь здесь ни на минуту, зная, что эти твари где-то рядом. Конец разговора. Я ухожу!

– Есть одна загвоздка... – виновато прошептал Искор.

Кузнец остановился, глубоко вдохнул и закрыл глаза. Всегда есть загвоздка.

За то время, пока Кузнец спорил с очередным Носом из Гильдии героев, торчащим из окошка, за его спиной выстроилась огромная очередь.

– Я понял, что вы не возвращаете депозиты, но мой... секундант потратил мои последние деньги, а я не собираюсь во всём этом участвовать!

Кассир молча, в сотый раз указал трактирщику на вывеску «Взносы не возвращаются». Кузнец повернулся и посмотрел на Искора, как волк взглянул бы на зайца, пытавшегося украсть у него еду. Тем временем толпа за их спинами становилась всё больше и больше.

К сожалению, цензура словоскладов не позволяет передать возгласы недовольных воинов дословно...

– Старик, не задерживай очередь! Мы тут как бы долго уже стоим! – кричал один.

– Да-да! Думаешь, нам делать нечего, кроме как ждать, пока ты там наболтаешься?! – раздражённо бросил другой.

– Я очень извиняюсь, ещё момент, и мы уходим... – Искор тщетно пытался успокоить разгневанных героев.

– Ещё момент, и вы не сможете ходить! – продолжил самый озлобленный воин. Провопив свою незамысловатую угрозу, он упал. Упал очень быстро. Кузнец стоял, потирая кулак, и оглядывался.

– Кто ещё торопится? – не повышая голоса, сказал он. Од-

нако же все услышали.

В тишине Нос высунулся из своего окошка, посмотрел на лежащего без сознания воина и вернулся к бумагам на своем столе.

– Можете забрать лицензию в здании Гильдии на закате, – администратор протянул Искору бумагу со штампом.

– Что? – удивился Кузнец.

– Дуэль с героем, стоящим выше вас по рангу, на арене или прилегающей территории считается зачётом для аттестации. Вашему секунданту следует внимательнее читать правила!

Искор пролистал книгу, выданную в Гильдии, и остановился на странице с дополнениями.

– Действительно. Смотри!

Кузнец взглянул на запись, на притихших героев и зевая, кивнул Носу в окошке, забрал бумагу и направился к выходу.

– Ты куда? – спросил Искор, захлопывая книгу.

– Тут наши пути расходятся, пацан. Удачи тебе в твоих поисках. Будешь в Полупорте – заходи в гости.

Люди расступились, когда Кузнец уходил. Все вернулась к своим делам. Искор остался наедине с толпой новоявленных героев. Он взгрустнул, но, вспомнив свою главную задачу, быстро пришёл в себя и стал искать помощи, подходя к каждому с заранее заготовленной фразой.

К сожалению, даже провалившие аттестацию воины не желали браться за дело Капюшона и спасти его деревню.

Они больше не думали о возможности потренироваться в сражениях и вернуться на арену, внезапно открыв в себе тягу к самоучениям. Ведь если у тебя не получается одно, следует попробовать нечто совершенно противоположное.

Скуп сидел на подоконнике выдолбленного в пещере окна и попивал коктейль из кактусовой браги, сока цитрусовых фруктов и сладкой лимонной бражки. Он смотрел вдаль равнины у подножья Двухцветной горы. Края кружки были облеплены солью, а сама она запотела от холодной жидкости. Солнце уходило спать за Стеногоры, и линия света сдавала позиции волне тьмы приближавшейся ночи. Чаша погружалась в сон. В то же время Яма тонула во мраке.

Гакка ворвалась в покои хозяина с огромным рюкзаком. Скуп, не обращая на неё внимания, продолжал любоваться закатом.

– Я провела разведку и узнала о действующем Легендарном герое, милорд! Его зовут Воландер. Новый турнир только начинается, а значит, он ещё год будет носить это звание. Сейчас он в столице и, как мне доложили, ожидает ежегодного похищения дочери Лорда Пеликара.

Скуп продолжал молча и безучастно потягивать свой коктейль.

– Нам нужно подгадать идеальный момент! – продолжа-

ла Гакка. – Воландер – очень сильный герой. Три сезона он держит титул и не собирается его терять.

– Мы отправляемся к Огненным водопадам, – ответил Скуп.

– Да, конечно, хозяин, – согласилась Гакка, – но ведь это в противоположной стороне от столицы.

– Твои познания картостроения великолепны, Гакка. Да, мы не едем в столицу.

– А как же задание отца? Ваши братья уже наверняка собираются в путь, и мы не знаем, какие поручения они получили.

– У нас будет целый год, чтобы узнать всё об их замыслах. Видишь ли, Гакка, меня интересует отнюдь не выполнение моего задания в кратчайшие сроки. Я хочу больше, я хочу всё! Мне нужны трофеи моих братьев. Я не могу позволить им преуспеть в выполнении отцовских указаний. Пока они будут заняты подготовками, мы будем наращивать силу и влияние. – Скуп поднёс кружку к губам. – И ты ошиблась, мои братья не станут торопиться. Многером прямо сейчас пытается разобраться, почему его ездовая стрекокрылка не на месте и, зная моего брата, он быстро устанет от этого и пошлёт своих подчинённых за новой. До ближайшего рынка с ездовыми животными – полдня пути. Но Многером разборчив и не сядет на лишь бы кого, так что его люди будут приносить ему рисунки предлагаемых на рынках зверей, и это займёт несколько дней, а то и неделю. А до Вульгара уже

должен был дойти слух о красавицах, на днях прибывающих с гастролирующим цирком в Угольный вал. Такая новость отвлечёт его от отцовского задания на какое-то время. Ты сама слышала. Впереди год, и эти дураки не станут торопиться. Другое дело – Низверг...

– Когда вы успели пригласить цирк, милорд? – оторопела Гакка.

– Я не говорил о приезжающем цирке, я говорил о слухах, – усмехнулся Скуп. – А когда брат узнает, что балагана не будет, он не вытерпит и сам отправится на поиски развлечений.

Гакка ещё раз поразилась своему господину и его хитрости. Возможно, правда, что она удивилась примитивности обмана и доверчивости сыновей великого злодея.

– Когда мы отбываем, милорд?

Скуп осушил кружку одним большим глотком и как бы случайно выронил её в окно. Он подошёл к своей кровати и взял лежащие на покрывале ножны с оружием. Затягивая пояс, Скуп указал помощнице на большую кожаную сумку.

– Брось свой рюкзак! Нам не понадобится ничего, кроме этой сумки. Мы отправляемся немедленно.

– Там что-то шевелится? – испугалась Гакка, поднимая поклажу.

– Да, и будь с ней поаккуратнее! Нам пригодится содержимое.

Скуп своим видом дал Гакке понять, что разговор окон-

чен, и она не стала больше ничего уточнять. Они вышли в стойло, находившееся на несколько уровней выше в пещере. В загончиках стояли различные животные. Среди прочих были две старысы с яркими цветными головами, покрытые шерстью и обладающие длинными и мощными пальцами на лапах, известные как Северо-Горные Казуары. Гакка вывела птиц из стойл и одела на них узду и поводья.

Забравшись на старысей, они незамедлительно рванули вперёд, в прорубленные в скале ворота. Птицы ловко держались на отвесной скале, цепляясь за камни мощными пальцами с когтями. Злодеи направили животных вниз, и они очень быстро набрали невероятную скорость. А когда до земли оставалось не больше ста шагов, казуары прыгнули и, расправив свои непропорционально маленькие крылья, приземлились у подножья горы. Практически не потеряв скорости, они рванули дальше.

Арчи Буз очнулся только на закате и ещё неделю ломал голову над вопросом, что произошло в тот день. Он, как обычно, вышел за ягодами к подножью горы и успел набрать полведра, когда нечто, издающее крякающе-скрипящие звуки, неожиданно приземлилось в двух шагах от него. Очнувшись, он увидел только две небольшие воронки в земле и никаких следов горного обвала. Поделившись своей историей, Буз отпугнул жителей деревни от этого места на долгое время, а когда, набравшись смелости, храбрости, вил, факелов и браги, жители всей деревней нагрянули туда спустя несколько ме-

сяцев, то обнаружили, что кислые хрустящие ягоды, которые местные раньше собирали в этих местах, выросли до размеров человеческих голов. Так, благодаря недолге Буза деревня Пустого Котла забыла про голод и стала процветать за счёт торговли Арчибузами, названными в честь первооткрывателя.

Но это случится только через полгода, а пока Скуп и Гакка, вспугнув Арчи до обморока, умчались в направлении Огненных Водопадов. Места это были поистине ужасающие, но притягивающие и захватывающие. На равнинах над водопадами, на двух берегах расположились враждующие города сталеваров – клан Игуаны и клан Гиены. Жар, создаваемый водопадами, является идеальным природным горнилом. Только здесь можно накалять металлы до предельных температур и создавать оружия, доспехи и инструменты непозволительно высокой прочности.

Вражда двух кланов началась из-за подступов к потокам Огненной реки. Существует три места, где человек может подобраться к реке максимально близко, не потеряв при этом важную для работы с металлами способность жить.

До тех пор, пока существовало два подступа, проблем не было; каждый клан работал и в меру преуспевал, но однажды члены клана Игуаны обнаружили третий, о котором в скором времени узнали и Гиены.

Нелишним будет сказать, что подступы на самом деле являются подземными пещерами, которые уходят глубоко под

дно реки. А смекалка и самоучи создали плавильные печи, вырезанные прямо в пещерах и использующие жар огненных потоков.

Оспариваемой третья такая пещера стала из-за расположения на полуострове, врезающемся в реку за пределами границ обеих деревень. Полуостров также является единственным местом перехода с одного берега на другой, так как расстояние между ними позволило построить мост, который не горит и не плавится. Хотя останавливаться на нём не стоит.

На протяжении маленькой по своим масштабам и нелепой по действиям войны третья мастерская пустует, и ни один из кланов не может занять оборонительную позицию и обеспечить своим сталеварам спокойную работу.

Скуп и Гакка на всех парах неслись к Огненным Водопадам, где отпрыск Легендона собирался посеять первые семена своего злобного замысла.

5 За выкрашенными стенами

Кузнец стоял над остатками мебели своей таверны. Обухом топора он заколачивал недостающую ножку стола, пострадавшую от дятлов. Это был третий стол, поставленный Кузнецом на ноги за этот вечер. Имелись и стулья, и барные полки, но выглядело всё это жалко и было абсолютно непригодно к использованию. Трактирщик убедился в этом в тот момент, когда хлопнула дверь, и два стола развалились. Сама дверь тоже не выдержала такого удара и слетела с петель за спиной напуганного своим же появлением Искора.

– Парень, твои визиты мне дорого обходятся.

– Я очень извиняюсь.

– Спасибо, это должно помочь. С чем пришёл?

– С пустыми руками! Я так и не смог никого найти. Завтра я возвращаюсь в свою деревню и надеюсь – ещё не слишком поздно.

– Не советую. Лучше отправляйся в большой город и найди себе работу.

– Это же предательство! Я не могу бросить дядю и остальных. Они ждут, что я приду с подмогой! – завёлся Капюшон.

– Ожидания не приносят ничего хорошего. Поверь мне. И думаю, твои старики, если они не совсем глупы, понимают это. – Кузнец произнёс свою речь с такой глубокой уверен-

ностью, что сложно было усомниться в его словах.

– Как может герой, даже бывший, говорить такое? – горячо возразил Капюшон. – Вы... Ты ведь был символом для многих! А символ – это надежда, это ожидание хорошего!

– Ага, а в итоге я – трактирщик без трактира...

– А как же ремонт от Гильдии? Ты ведь теперь герой с лицензией.

– Справочник у тебя с собой?

Парень закопошился и выудил из своего балахона справочник секунданта.

– Страница двести тридцать семь.

Искор быстро нашёл нужную страницу и начал читать вслух.

– Жених, не желающий уступить спасённую героем невесту в первую брачную ночь, должен предложить соизмеримую награду...

– Двести сорок семь, – прервал Кузнец, – наверное, всё-таки двести сорок семь. Там дополнения должны быть и правки.

– Привилегии героя распространяются на события и повороты недоли, произошедшие после регистрации и выдачи лицензии.

– А поскольку носатый бюрократ пересчитал и записал всё до последней мелочи, мне не удастся выдавить из них и одного питара².

² Питар – наименьшая денежная единица Флидоры. 100 питар = 1 пафия. 100

– Одного чего? – переспросил Капюшон.

– Деньги, парень.

– Ага, – робко проговорил Искор. – А что это?

– Ты что, с внешней стороны спустился? Как вы живёте в твоей деревне? Питар? Пафия? Пинна?

– Ага..., – неуверенность Искора перешла в волнение.

– Ладно, считай себя счастливым человеком, если тебе никогда не приходилось слышать о деньгах, – на момент Кузнец застыл. – Погоди-ка... Ты же платил за аттестацию. Они ведь сказали тебе, сколько надо было заплатить, как ты считал?

– Ты дал мне свой мешочек, а я передал его человеку в окошке, – Искор покрылся красными пятнами. – Он ничего не уточнял. Улыбнулся и спросил, зачем я пришёл. А потом сказал, что мы можем идти на арену без очереди, он об этом позаботится...

Некоторое время Кузнец потратил, пытаясь вспомнить подходящие такому случаю слова.

– Эх... – открыв рот, трактирщик понял, что подобрать слов не может, и очень грубо фыркнул в сторону парня.

Кузнец сидел на стуле из аккуратно сложенных в стопку

пафий = 1 пинна. На деле же это ракушки разной формы и расцветки, выращиваемые Гильдией героев и вводимые в оборот раз в год в виде премии Легендарному герою, а уже герой доставлял деньги до таверн, девиц и торговцев.

досок. Отчаяние в его глазах помогло бы ему разбогатеть, будь он уличным попрошайкой. Искор пытался подстроиться под атмосферу в «Топорах», но ничего не получалось.

– Мне вдруг стало интересно, что случилось в твоей деревне, – разбавил тишину Кузнец.

– Мы жили в мире со всеми соседями много поколений. А потом появился злодей, прозвавший себя Хан Алай, и начал совершать набеги на деревни в нашей долине... Долине Поющей травы, – уточнил Искор, увидев, что его слова вызвали в глазах Кузнеца нечто похожее на интерес. – Пришло время и нашей деревни, но брать с нас было нечего, и Хан дал нам месяц на сбор дани ему и его банде.

– Поразительно. И ты даже никак не связан с проблемой? – надев маску удивления, произнёс Кузнец.

– Нет, а почему ты спрашиваешь?

– Тебе никогда не казалось, что вокруг тебя происходят странные вещи?

– Действительно, – немного подумав, ответил Капюшон. – Как ты догадался?

– Это несложно заметить. – Кузнец не смог удержать серьёзную мину и ухмыльнулся. – Продолжай!

– Месяц прошёл, и он явился собрать дань. А мы – скромная община, и у нас ничего как не было, так и не появилось.

– И ты решил найти героя.

– Да.

– И ничего не получилось.

– Да...

– Как-то ты раскис, парень. – Кузнец протянул ему кружку. – Выпей немного. А утром подумаешь на свежую голову.

– Я уже подумал, – кивнул Искор, принимая брагу из рук Кузнеца. – Ты – моя последняя надежда!

Прошло немало времени, пока Кузнец вновь и вновь объяснял своё отношение к геройству, а Искор в сотый раз умолял дослушать его до конца. Ночь сменила вечер, и за разгромлёнными стенами перестали проходить люди и животные, заглядывая в щели, чтобы разузнать, работает ли таверна.

– Премия Легендарному герою, – не выдержав, Искор перебил Кузнеца. – Бочка ваших пифал и патир за победу в турнире на звание Легендарного героя.

– Бочка... – онемел Кузнец.

– Хватит этого на восстановление твоей харчевни? – в словах парня появилась не свойственная ему до сих пор агрессия.

– Бочка...

– Кузнец! Ты слышишь меня? – поинтересовался Искор, глядя в стеклянные, отрешённые глаза Кузнеца.

– Бо... Да, пацан, – воин очнулся от гипноза. – А когда этот турнир?

– Идёт уже второй месяц, но ещё только набирает обороты. Через год без месяца, по итогам результатов Гильдия объявит нового Легендарного героя. За этот год нужно на-

брать наибольшее количество очков в таблице лидеров.

Кузнец очень долго думал и очень мало говорил; Капюшону надоело ждать ответа, и он продолжил разговаривать с трактирщиком, слушающим его вполуха.

– Помоги мне с Ханом Алаем, и ближайший год я проведу с тобой в качестве твоего секунданта, помощника и носильщика. Прошу тебя, Кузнец! – злость Искора сменилась отчаянием.

– То есть...

– Да. Первый подвиг – в моей деревне, остальные – по всей Чаше. Я буду регистрировать подвиги, разговаривать с представителями Гильдии и стану щитом между тобой и ненавистным тебе миром.

– Нам понадобится ещё брага... – заторможенно произнёс Кузнец и, взяв черпак, отправился в затопленное хранилище, где щепки бочек плескались в браге.

Утро отличается от дня и ночи не только положением солнца или отрезком, отмеченным на циферблате часов. Утро обладает своими уникальными качествами, без которых цикл суток не был бы цельным, состоявшимся. Утро, в первую очередь, заставляет жителей Чаши задуматься, а не в Яме ли они живут. Утро – это пора перепридумать планы с прошедшего дня. Утром человек наиболее близок к знаком-

ству с новым собой.

В доме без стен и с напоминающей кружевной зонтик крышей солнца было много. Проснувшись этим утром, Кузнец вспомнил события минувшего дня и приуныл. Печаль распустилась в нём, как тюльпан на солнце, когда он увидел Искору, мальчишку, что внёс огромный вклад в настроение и ближайший год жизни Кузнеца.

Парень же, наоборот, сиял как солнечные зайчики, разбросанные искажёнными стёклами соседних домов по полу таверны. Протерев глаза, Кузнец встал на ноги и огляделся по сторонам. Убедившись в том, что вчера на самом деле было, он подошёл к Искору, суматошно бегающему по кухне. Парень готовил завтрак.

Кузнец, не будучи знакомым с техникой Капюшона по приготовлению пищи, решил, что парень просто избавляется от не нужных ему, но необходимых Кузнецу предметов быта и остатков продовольствия.

– Светлого утра, Кузнец! – радостно крикнул Искор, увидев своего героя.

– Действительно, – согласился Кузнец. – Туи!

Из подсобки выскочило что-то маленькое и зелёное, шустро подбежало к Кузнецу и закрутилось вокруг его ног. Существо перемещалось быстрыми рывками и практически не стояло на месте. Когда зверёк всё-таки остановился, Искор разглядел черепаху размером с пухолапа. Черепахи как вид появились на Флидоре не так давно и не успели устать от эво-

люции и течения времени. Черепахи – очень активные существа, любознательные и дружелюбные. Кузнец нашёл Туи много лет назад во времена своих приключений, и с тех пор они были неразлучны.

– Пойдём путешествовать. – Кузнец присел и похлопал черепаху по панцирю.

Туи радостно подпрыгнул. Казалось, он понимал, о чём идет речь.

Искор поставил на барную стойку миску с завтраком, который своим ароматом сделал утро Кузнеца немного светлее и развеял уныние. Пока воин наслаждался необычным запахом и вкусом еды, приготовленной мальчишкой, сам Капюшон не переставал стряпать. А когда миска опустела, Искор выставил на стойку несколько узелков с упакованной едой.

– Зачем всё это?

– До моей деревни два-три дня пути. Я бы не хотел отвлекаться на поиски еды. Да и твоя кухня лучше доски в поле... немного... раньше точно была лучше.

– Ты хочешь сказать, эти узелки набиты такой же едой, какую я сейчас ел?

– Да...

Кузнец и Искор вышли из стойла с двумя пегими скакунами, а следом за ними направился кхонюх с набитым ртом и

одним из узелков приготовленной Капюшоном еды. Огромная вывеска, написанная всё тем же автором, что и указатели на первой улице, гласила «Употребляйте кхоней в ездун!».

– В любое время, когда угодно! Слышите меня! Мои лучшие зверюшки будут ждать вас! – кричал довольный кхонюх вслед герою и его секунданту.

Напарники забрались на кхоней и двинулись к тeneвым городским воротам.

Туи бежал следом за хозяином.

– Неужели в вашем городе так легко получить верховое животное? – Искор сиял от радости. – У нас в соседней деревне люди приручают диких зверей и выращивают ездовых самостоятельно. А тут получается, можно за узелок еды двух взять. Как необычно!

Искор и подумать не мог, что немного сушёных трав и смешивание ингредиентов могут заменить жителям Полупорта столь ценные для них ракушки. Ему было неизвестно, что Полупорт, как и большинство городов и деревень Флидоры, не утруждал себя заботами о приготовлении пищи. Еда разделялась на два типа – её либо кидали в костёр, либо в котёл. Самоучение, связанное с готовкой, не продвигалось, так как о еде думали только по зову желудка. А в такие моменты действовать, как правило, приходится быстро.

– Думаю, твой навык может нам пригодиться, – ухмыльнулся Кузнец, звонко крикнул и перешёл на галоп.

Двое покинули всегда свежевыкрашенные стены города и

устремилась в направлении маленькой деревушки далеко на востоке.

6 Очки за милость

«Потоки Быстрого моря куда более скоротечны, нежели время; и что приближается к нему, переходит из прежнего в нынешнее быстрее, чем того хочет время», – эта фраза одного самоуча пера в некотором смысле передаёт действительность, размытую словами для намеренной потери сути.

Всё побережье усыпано деревушками и лачугами рыбаков. Есть и две на всё Быстрое море прогулочные лодки. Когда-то в воздухе возникла мысль о возможности заработать несколько питар, катая любознательных жителей Флидоры на судёнышках. Многие вышли на рынок с вывесками «Незабываемое путешествие». Вот только никто из них не был моряком или рыбаком. А они знают, что Быстрое море – не та стихия, с которой у человека есть хоть малейший шанс совладать.

Идти в Быстрое море под парусом – плохая затея. Потоки ветра и направление волн гоняют лодки по кругу, и вернуться в точку отплытия раньше, чем через две недели, просто невозможно. Это при условии, что капитан не тратит время на поиски несуществующих морских красавиц, а следит за береговой линией. В противном случае, вас ждут ещё две недели старого путешествия.

Таким образом, практически все туры по Быстрому морю

закрылись после первых же поездок. И только две лачуги все ещё не сняли свои вывески, а их хозяева, скорее всего, обосновались на новом месте (том самом, где причалили после нескольких кругов по Быстрому морю).

В одной из этих лачуг и устроили привал Кузнец и Искор.

– Помню, в былые времена я как-то раз отправился в плаванье по Быстрому морю. Тогда здесь орудовал Капитан Сырая Борода. Первоклассный был злодей! – сидя у костра, рассказывал Кузнец. – Когда после долгих недель преследования практически у самого центра моря я, наконец, догнал их корабль, и пришло время битвы, я был настолько уставшим, что не мог держать в руке топор. Мне пришлось тайком забраться на судно Сырой Бороды, пока залитые брагой пираты спали. Всю ночь я объедался в их трюме, набираясь сил, и в итоге заснул.

Кузнец залился смехом. Капюшон с упоением внимал героической истории.

– И вот утром я просыпаюсь, и надо мной стоит вся пиратская команда. По дурости, с голоду я оставил свои топоры в лодке, а вокруг – только свежая рыба. Я схватил бакаруду потяжелее за хвост и набросился на остолбеневших пиратов. Когда семеро уже лежали на полу, Сырая Борода остановил своих подручных и предложил равный бой. Он кинул мне в ноги саблю, а я, в свою очередь, толкнул ногой в его сторону рыбину, по размерам не меньше моей. Пираты перестали понимать, что происходит. Но самое интересное началось,

когда в момент боя его рыбёха, достаточно свежая для такого обращения, очухалась и начала брыкаться в его руке. Не могу сказать, что недоля помогла мне, но воспоминания оставила самые весёлые. – Кузнец откинулся на спину и с довольной ухмылкой начал постукивать по земле ладонью.

– А что было дальше? – Искор, казалось, уже стоял там, на палубе корабля Сырой Бороды, и был свидетелем тех событий.

– А дальше мы причалили, и я отвёл оставшийся экипаж вместе с хмурым капитаном в ближайший город – Иглостан.

– А потом? – глаза Искора распахнулись, а рот открылся.

– Их повесили, меня накормили и дали поспать. Отличный суп из плавников...

– Какая грустная история.

– Кому я это рассказываю... – Кузнец задрал голову к небу. – По-твоему, лучше, когда пираты грабят рыбаков? Хотя грустно было. После Сырой Бороды в Яме не появлялось больше достойных пиратов. Я вернулся к Быстрому Морю и от скуки решил поохотиться на местного змея. Ходило много слухов о гигантском морском хищнике, пускающем ко дну целые корабли. Эх... Какой я был наивный!

– Ты не нашёл его?

– Лучше бы было так. Без него Быстрое море перестало быть таким быстрым. Надеюсь, это останется между нами.

– Конечно, Кузнец. Я никому не расскажу! А о чём именно мне следует молчать?

– Море замедлилось. Видимо, змей и делал это море быстрым. Морские пути стали занимать втрое, а то и вчетверо больше времени. Рыба разжирела и стала ленивой. У рыбаков уменьшился улов. – Кузнец поднялся и подкинул полено в костёр. – Не стоило мне трогать этого змея...

Больше в тот вечер Кузнец не хотел разговаривать, и у Искора не получилось его приободрить. Даже узелки с едой не смогли избавить воина от тяжелых воспоминаний. Засыпая, Кузнец слышал, как пацан разговаривал сам с собой.

Ночь прошла быстро, и рано утром, когда трактирщик проснулся, его ждал ещё один отменный завтрак из узелка Капюшона.

Всё утро они скакали вдоль берега Быстрого моря, и мальчишка любознательно вглядывался в быт рыбаков, морских волков и особенно девиц, плескавшихся в воде. Стирка – дело стариков, а молодые большую часть времени полощут в воде себя, а не грязную одежду. С годами всё меняется, и чем меньше люди купаются, тем больше стирают. Эту несложную тенденцию Искор разглядел к обеду. Позже они начали отдаляться от Быстрого моря в степь, а затем и в лес.

Леса, как и вода, являются источниками жизни и их хранителями. Возможно, именно эта сила и тянет в лес уцелевших монстров, ищущих убежища и спасения от кровожад-

ных обезумевших героев.

Также леса популярны среди мирных горожан и в особенности – самоучей. Первые идут в лес в поисках ягод, грибов и слабых представителей фауны. Вторые же – в поисках себя и ресурса, питающего их учение.

Как следствие, леса привлекают злодеев, желающих творить свои чёрные дела, пока мирный житель занят созерцанием флоры и фауны.

Замыкают эту цепочку герои, знающие о мотивах злодеев и повадках монстров.

Таким образом, леса перестают быть местами тихого смиренного единения с природой и превращаются в людные дебри, в которых, прячась от одних пришлых, вы обязательно наткнётесь на других.

Искор и Кузнец попали в лес по совершенно другой причине. Самый короткий путь к деревне Капюшона лежал именно через него. Так как он всё же расположен поодаль от крупных городов и мест монстропадов, там немного больше свободного места, чем в большинстве других лесов. И на пути героической парочки, как они предполагали, не должно было возникнуть преград; но под небом Флидоры недоля не идёт на компромиссы с планами, ожиданиями и намерениями её жителей.

Красношёрстные грибы – отвратительные на человеческий вкус, но столь любимые бобропотапами, привлекают последних в Радужный лес. Именно в чаще, пестрящей этим

лакомством, и проходили два искателя героических приключений. И это даже не влияние недоли, а вероятность, полюбоившаяся самоучам за спектр трудно опровергаемых теорий. Очень весомая вероятность, ввиду начавшихся на днях монстропадов. Бобропотап, искавший любимые грибы, оказался на поляне в тот же момент, когда на неё вышли герой со свежей лицензией и его начинающий секундант.

Животное, испугавшись, устрашающе заревело и выпустило носом нагретый воздух. Пыль поднялась с земли. Сам бобропотап довольно медлительный, но его хвост делает зверя опасным созданием. Огромный и тяжёлый, как чугунная сковорода, длиной в полтора человека и шириной в одного, его хвост способен отправить бывалого героя в историю, а начинающего – в забвение.

Кузнец, недолго думая, достал два топора из колец на ремне и приготовился к битве. Туи нахмурился, как может нахмуриться черепаха, и встал в боевую стойку по правую ногу от хозяина. Искор достал из-под балахона Кодекс секунданта. Поляна замерла.

Первый шаг сделал зверь, с рёвом ринувшийся на героя. Кузнец же стоял, выжидая. Расстояние медленно сокращалось. Ужасающий своим видом и рвением хищник преодолел полполяны, а Кузнец продолжал стоять на месте. Между ними осталось всего нескольких метров, и воин рванул вперёд в момент, когда они уже стояли вплотную друг к другу. Бобропотап рухнул на землю и из последних сил ловко,

насколько это создание может быть ловким, развернувшись, нанёс секущий удар хвостом. Кузнец, подпрыгнув, приземлился ровно на хвост монстра и обездвижил уставшее от бега животное.

Быстро, но без излишней поспешности, по хвосту, а потом по спине он взбежал на хрипяще-ревущего зверя и со всего маху ударил его по голове обухом топора. Оглушённое животное перестало реветь и, простонав, опало.

Кузнец молча спрыгнул со спящей горы и вернул топоры в кольца на поясе. Туи бегал вокруг зверя, семенил, подпрыгивал и, прячась в панцирь, врезался в его тушу. После чего отскакивал, вылезал из панциря и повторял атаку заново.

– Невероятно! – восхищался Искор. – А ты знаешь, что это...

– Бобропотап, – перебил парня Кузнец.

– Да! И за него дают пятьдесят очков.

Эти слова не вызвали у Кузнеца никакой реакции.

– Вот, например, за птиц, разрушивших твою таверну, дают по одному очку за четырёх дятлов. А за того страшного зверя, которого я... Который преследовал меня до твоей таверны, дают двести очков. Иными словами, ты только что почти заработал среднюю дневную норму для героя.

– Почти, значит...

– Да. Для того чтобы я смог зарегистрировать твой подвиг, монстр должен быть убит. К сожалению.

– Я правильно понял, что ты должен записывать убитых

мно́й монстров?

– Да.

– А потом в Гильдии героев отчитываться в подвигах?

– Да.

– Значит, если в твоём отчёте есть запись об убийстве, то я получу за него очки?

– Да.

– Ты совсем не понимаешь, к чему я веду?

– Да... нет...

– Хм... Начнём с малого. Почему бы тебе не записать смерть этого Бобропотапа?

– Но ведь он жив.

– Об этом знаем только ты и я. – Кузнец застыл, пытаюсь прислушаться, щёлкнет ли что-то в голове Капюшона или нет.

Искор быстро нашел нужную страницу и зачитал ее хитрому трактирщику.

– Нарушение правил регистрации подвигов героя: Герой будет наказан лишением своей геройской лицензии до следующего монстропада.

– Ну, значит, у нас будет время попробовать ещё раз, через четверть года.

– Секундант же, зарегистрировавший несостоявшийся подвиг, будет казнён наиболее болезненным способом, известным на текущий год.

– С этого и надо было начинать, – понимающе сказал Куз-

нец. – Пойдём.

– А как же монстр?

– Убить спящего раненого зверя? – Кузнец посмотрел Искору в глаза. – А это не в моих правилах.

Он похлопал сопящего бобропотапа по спине и пошёл дальше через поляну в сторону густого леса.

– Пойдём, пацан. Нас ждут в твоей деревне, – не оборачиваясь, бросил герой.

Капюшон кивнул и засеменил за Кузнецом. Увидев, что хозяин уходит, Туи перестал биться со спящим зверем и понёсся за ним.

Время поразительно – сказал однажды самоуч Гильберт Штепс. Долгое время Гильберт пытался понять, что объединяет поход из одной деревни в другую, приготовление рыбного бульона и заготовку дров на зиму. Оказалось, что за время, потраченное на каждый из процессов, количество получаемого опыта и производство полезной работы было равным, а значит, можно было посчитать вклад в быт. Ведь по теории Гильберта, одна двенадцатая на циферблате самоуча приравнивалась к четырём двенадцатым на циферблате лесоруба. Как следствие, оплата труда также должна была выравниваться по шкале «поразительной непредвзятости вязкой субстанции быта Гильберта Штепса», более известной

как шкала Штепса.

Но одно следствие тянет за собой новую причину и новое следствие. Так, в результате обесценивания физического труда возникла причина расстройств всех сталеваров, плотников, земледельцев, мясников и большинства мирных горожан, а новым следствием стало их внутреннее переживание и поспешное отшельничество Гильберта в целях сохранения головы на привычном месте между левым и правым плечом.

О Гильберте уже давно не было слышно, но на упоминания самоучения горожане до сих пор остро реагируют подручными тяжёлыми предметами.

За время от выхода из ворот Полупорта Искор вспомнил всех жителей своей деревни. Вспомнил прекрасные вечера, когда дядя рассказывал ему невероятные истории о сотворении мира и обо всём необычном, что в нём таится. Он мысленно вернулся к вечеру, когда они сидели на крыше сторожевой башни и смотрели на небо, и дядя сказал ему слова, что всплыли в памяти именно сейчас.

– Мы – отражение мира, в котором живём. Мы зовём его Чашей, и сами являемся чашами. Наполняя себя жизненным опытом и знаниями, мы выбираем путь и используем накопленный опыт для достижения выбранных целей, – говорил дядя.

– А когда мы будем кушать кукурузу, дядя? – спрашивал его маленький Искор.

– Послушай, малыш, и запомни мои слова! Однажды перед тобой встанет выбор, и в этот момент тебе придётся решить, чему ты посвятишь свою жизнь, – продолжал дядя.

– А ещё я люблю малиновые пироги, у нас есть ещё малина?

Сейчас Искор понимал слова дяди, и он никогда не был так уверен в своём выборе. Ни кукуруза, ни малина не делали его таким счастливым, как осознание важности пути секунданта.

За тот же отрезок времени Кузнец решил, что ему нужно отбалансировать топоры. Вторым оказался нестабильным в последней схватке, и это могло сыграть злую шутку в серьёзной битве.

Закончился ещё один день их пути, и двое остановились на привал у огромного дерева, в основании которого образовалась щель после удара молнии. При размерах дерева щель больше походила на пещеру.

Там они и провели ночь, а проснувшись утром, обнаружили пропажу всех своих вещей.

7 Незнакомец и мешок чудес

Мирка и Марта под покровом ночи тащили тележку, наполненную доспехами и оружием. Брат и сестра с детства работали в паре и развили свои навыки до небывалых высот. Поразительно, но при труде с другими рудокопами и сталеварами скорость и качество изделий падали. Старейшина клана Игуаны долго думал над феноменом и издал указ о вознаграждении семей, где братья и сёстры с детства приучались к совместной работе. К сожалению, он был издан за два года до смерти старейшины, и новый глава издал повеление о четырнадцатичасовом рабочем дне, которое не давало родителям возможности воплощать в жизнь указ его предшественника.

Мирка и Марта наткнулись на двух странников, едущих верхом на необычных двуногих шерстистых ездовых животных.

– Приветствую вас! – сказала наездница.

– Здравствуйте! – в один голос ответили брат и сестра.

– Вижу, вы много работали. Не желаете ли разделить с нами ужин? – спросил наездник.

– Спасибо, но мы торопимся, – перебила почти согласившегося брата Марта.

– Отведите меня к вашему главному, и больше вам торо-

питья не придётся, – интонация наездника зародила в близнецах странное, неведомое им ранее чувство. Желание обладать контролем над своим временем разгорелось внутри каждого из них. – Согласитесь, вечер мог быть намного приятнее, если бы вам не приходилось по пути домой думать о завтрашнем дне. Задаваться вопросом, где взять металл. Прикидывать, не слишком ли тяжёлой будет тележка, и сможем ли мы с ней убежать от преследования. Не так ли?

Глаза близнецов сверкали ярче пламени плавильной печи. Работать и не думать о том, что ты сделал слишком много. Бить молотом о сталь и сверкать от счастья, как искры, летящие в стороны. Нагружать тележку с горой и, не торопясь, катить её обратно в деревню, наслаждаясь ночным воздухом и небом.

– Ведь будь у вас две мастерские, две плавильные печи, представьте себе, сколько изделий вы могли бы тогда создавать. Сколько новых сплавов опробовать! – незнакомец захватил брата и сестру в плен своих речей. – А жар в пещере на Пекленном полуострове должен быть намного сильнее того, что есть у вас и у ваших врагов.

– Да! Но треклятые Гиены не дают нам обустроить мастерскую, – ответила Марта.

– Но и мы не даём им задержаться в Пекленной пещере! – гордо заявил Мирка.

– Не пора ли перестать сражаться за блага, а начать ими пользоваться? – незнакомец задал вопрос, ответ на который

ему уже был известен.

Скоро они вошли в деревню Игуан, и близнецы привели незнакомцев в шатёр старца.

– Кто вы? – величаво спросил старейшина.

– Власть и богатство, – представился незнакомец.

– Это неправильный ответ, – старец ненадолго задумался, но не дал выбить себя из колеи.

– Скорее, ваш вопрос был неверным, – дерзко ответил неизвестный.

– А какой вопрос правильный? – озадачился старейшина.

– Зачем мы здесь, и что можем предложить?

Старейшина и все присутствующие, а их было несколько дюжин, зачесали головы и начали переглядываться. Через несколько минут раздумий старейшина захрапел.

– Вам не надоело сражаться с вашими врагами по ту сторону Огненной реки? – незнакомец прервал храп старца.

– Да, да, да. Так и есть, – не успев проснуться, пробормотал старейшина.

– Я решу проблему с кланом Гиен и с добычей металла, если вы позволите.

– Конечно, конечно. Да, да, – сонно продолжал старик.

Стоит заметить, что старейшины не отличались вдумчивостью при принятии решений, взвешивании за и против,

изучением вопроса, да и попросту здравым смыслом. Во все времена люди этой и не только этой деревни хотели видеть в лидерах ответственного человека. И *ответственный* в их понимании значило не ответственно принимающий решение, а несущий ответственность за последствия.

Ведь с ответственностью, возлагаемой на плечи старца или вождя, он соглашался со смертным приговором без определённого срока исполнения. Так, при массовом недовольстве тяжкий груз ответственности покидает плечи старейшины вместе с головой.

Со временем выяснилось, что принятые решения не всегда оказывают влияние на жизнь общины, деревни или племени, а лидера совсем не обязательно казнить. Например, упущение с проросшим чертополохом. Уже после казни стало понятно, что достаточно было просто вырвать ненужные сорняки без вреда для урожая...

Люди обожают крайности, и, в результате долгих обсуждений, наказания неразумных вожаков было решено возложить непосредственно на самого лидера. Тогда главные стали доверять это своим подданным, перекладывая ответственность на них. С тех пор количество казней вожаков сократилось до нуля, а наказания приобрели исключительно поучительный характер.

– Я бы хотел знать, с кем говорю, – повторил свой вопрос старейшина.

– Моя спутница Гакка и я – ваш верный слуга Скуп. А

теперь скажите, хотите ли вы заполнить пещеру на Пекленном полуострове? Хотите ли стать первыми во всей Чаше поставщиками доспехов и оружия?

– Как мы можем стать первыми, если обработкой стали занимались многие до нас?

Скупу пришлось объяснить значение слова *первый* в контексте сказанного, и вождю оно понравилось.

А на следующее утро в распоряжении гостя было всё, что он попросил.

Скуп, Гакка и двое из клана Игуан, покрепче телом да помягче умом, отправились к Пекленному полуострову.

Добравшись до места, Скуп заметил пару из клана Гиен, выбрасывающую инструменты кузнецов Игуаны в раскалённые потоки.

– Вы, двое, – Скуп обратился к двум крупным представителям клана сталеваров, – отвлеките внимание.

С этими словами Скуп и Гакка отправились к мосту, а парочка, получившая от природы компенсацию в виде огромного мышечного потенциала, с криком и рёвом рванула к пещере.

Из-за отсутствия работы и большого спроса на изделия из стали, двум кланам пришлось продать все личные запасы оружия и перейти на дерево. По опыту прошлых стычек, Игуаны и Гиены носили с собой по три деревянных меча, хотя их можно было скорее назвать плохо обработанными брусками. Сталевары оказались не так искусны в обработке

дерева.

Двое из Гиен подскочили к входу в пещеру и, достав из-за пояса оружие, приготовились к схватке. Крики, с которыми Игуаны рвались в бой, не вязались с внезапной атакой, но их военная тактика была на уровне работы с деревом... Первый меч дал трещину после двух ударов. Крепкие мышцы заменяли доспехи и щиты. Да и кровопролитными такие стычки назвать было нельзя. Пара разбитых носов и с десяток синяков на обе стороны.

Когда оружие кончилось, бойцы всё ещё стояли на ногах, свирепо глядели друг на друга и готовились к рукопашному бою. Тяжеловесы из двух кланов отличались небывалой силой и выносливостью. Для обеих сторон такой бой был более опасным, чем возня с деревянными мечами.

Смешанные чувства возникли у противников, когда позади раздался грохот. Озлобленность схватки сменилась удивлением и страхом. Опустив кулаки и раскрыв глаза пошире, враги обернулись и увидели обваливающийся мост, связывавший два берега Огненной Реки. Куски камня, разлетающиеся в разные стороны, и белый дым наводили на мысли, что произошёл взрыв или, как говорят в северной части Флидоры, «крабахнуло». Ведь взрывы ещё толком не изобрели. Они, скорее, были неудачами на пути самоучей, часто – последними.

С одной стороны, продолжать драться было незачем, с другой – что ещё оставалось делать?

Пока Скуп и Гакка не вернулись к входу в пещеру, противники из враждующих кланов продолжали колотить друг друга.

– Хватит! – резко и звонко сказала Гакка. – Нет смысла продолжать.

Скуп слез со своего казуара и вышел в центр между растерянными воинами-сталеварами.

– Вы, – обратился он к Игуанам, – пещера теперь ваша, и никто не будет мешать вам работать в её мастерской. А вам, – он повернулся к Гиенам, – что толку сражаться, если вернуться с почестями всё равно не удастся?

Оба клана остановились и опустили кулаки. Игуаны пытались выдать из себя улыбки победной радости, но мысли в их головах спутались, и они не могли сформулировать для себя, в чём же заключается подвох. Гиены же улыбались и вовсе без причины. Их дом, лежавший по ту сторону реки, стал недоступен. Они остались на территории врага без возможности отступления. Последовало два вопроса.

– А что нам теперь делать? – спросили Гиены.

– Нам можно возвращаться? – несмело поинтересовались Игуаны.

– Да. Возвращаемся к старейшине! – уверенно сказал Скуп и кивнул Гиенам. – Вас двоих это тоже касается.

Обратный путь оказался коротким... Это ещё одна особенность времени, которую изучал последователь Гильберта Штепса. При движении с одинаковой скоростью в направле-

нии «туда» и в направлении «обратно» дорога назад всегда получается короче. Быстрее.

В отличие от учений Гильберта, теория Тиббоха зашла дальше. Наблюдая за травниками и донимая их своими вопросами, последователь хроноучения пришёл к открытию, что закон быстрой обратной дороги срабатывает, когда травник возвращается в приподнятом настроении от успешной сборки плодов. Вторая версия, выдвинутая им же, говорила, что дорога «туда» дольше из-за груза ожиданий, а по пути «обратно» этого груза уже нет. Попытка приравнять груз мыслительный к грузу физическому была быстро пресечена каменщиками, и работа самоуча ушла следом за её автором на дно Кипящего моря. Когда книгу вымыло на берег, и её нашёл словосклад, чернила уже были размыты, но ему очень приглянулась обложка «Тиббох, туда и обратно».

Что касается Скупа, Гакки и четырёх членов двух кланов, то можно сказать, что их обратная дорога была быстрой благодаря приподнятому настроению. Даже Гиены соглашались с этим, хотя у них на то были свои мотивы.

Оказавшись в шатре, посиневшие от битвы воины Игуан рассказали старейшине о происшествии у моста, дополняя повествование нецензурными выкриками. Вождь вдумчиво слушал их, пытаясь связать эпитеты и восторги в цельную историю. Скуп сдержанно ждал окончания рассказа и следил за реакцией главы.

– Я могу понять, зачем Гиены разрушили мост... Они все-

гда хотели отрезать нас от шахт и не дать нам копать железо на том берегу, – рассуждал старейшина, – но я не могу уразуметь, зачем Гиены разрушили мост, ведь теперь они не смогут попасть в пещеру с мастерской... Когда уже обед?

Женщина в фартуке, поймав на себе недовольный взгляд старца, кивнула и исчезла в толпе, собравшейся в главном шатре.

– Гиены не разрушали мост, – поправил Скуп. – Его взорвал я.

– Значит, Гиены всё-таки не так непредсказуемы в своей тактике, – подытожил старейшина. – Но я не понимаю тебя, странник... Наверное, нам придётся казнить тебя, так? – он огляделся по сторонам и увидел одобрительные кивки своих людей.

Гакка схватилась за рукоять меча, но Скуп остановил её резким жестом.

– А как же быть с железом? – продолжил разговор сын Легендона. – Отруби мне голову, но железа больше не станет.

– Тоже верно... Но ведь надо как-то отреагировать.

– Как насчёт пира в честь завоевания мастерской? Она теперь полностью в вашем распоряжении.

– Молодец, незнакомец! – на лице старика появилась улыбка. – А казним тебя утром!

– Договорились! – согласился Скуп.

Пир в деревне Игуан проходили громко и весело. Этому способствовал горячий темперамент людей и количество

браги, которой с ними часто расплачивались жители соседнего городка Хмелестана, что занимаются производством браги на всю округу. Игуаны поставляют им трубки для сложных машин, необходимых в изготовлении, и высокие железные заборы с колючей проволокой для защиты складов с напитком от героев, злодеев и мирных горожан.

Пир начался ещё до заката солнца, ведь оно никогда не мешало людям пировать – ни в деревне Игуан, ни в любой другой. А как появились звёзды, начались танцы. Каждая деревня, каждый город во все времена очень гордились своими танцами. Помимо браги, центральной башни и умелых мясников, важным показателем уровня города был его танец. Несмотря на замысловатость движений и пугающую своей хаотичностью хореографию, Гакка очень быстро влилась в ряды Игуан и скакала с ними вокруг костров. На фоне девиц из племени, даже при всей своей воинской выправке, она смотрелась утончённо и элегантно и оттого пользовалась огромной популярностью среди мужчин Игуан.

Но девушка, ранее не избалованная мужским вниманием, сейчас не знала, что с ним делать. В результате её ответных жестов пострадало пятеро мужей деревни. Но на такие мелочи во время пиршеств не обращали внимания. Две драки на десять человек и одна смерть на сто считались делом обыденным. Превышение же таких норм сопровождалось замечаниями вроде «Пирушка удалась на славу!».

А тем временем Скуп сидел по правую руку от старей-

шины. После каждого клича, обозначавшего время отведать браги, он, поднося кружку ко рту, ловко выливал содержимое себе за спину.

– И значит, этим порошком можно разносить целые мосты? – старейшина с восторгом слушал Скупа.

– Можно, конечно, и мосты, но я думаю, мы найдём ему применение получше. – Сын Легендона держал старейшину на крючке и медленно подтягивал его всё ближе и ближе. – Вы знаете, где начинается Огненная река?

– Никогда не размышлял на эту тему. Сам понимаешь, старейшина... Дел невпроворот...

– Конечно! – Скуп и бровью не повёл. – К счастью, я не обременён подобной ответственностью и имел возможность ознакомиться с картой местности. Так вот, у истоков раскинулась долина вулканов. Их буйства и породили Огненную реку.

Скуп поймал взгляд старца, удивлённого подобной осведомлённостью незнакомца.

– Так говорят самоучи, – уточнил Скуп. – Я бы хотел позаимствовать дюжину ваших людей и отправиться с ними в направлении этой долины. Взамен я завтра же с утра применю оставшийся у меня порошок для создания новой шахты для вас. Как я опять-таки слышал, горные породы в этих местах богаты железом.

– Проблема не в железе, а в том, где начинать копать. Слишком много камня вокруг этого железа. А дробить гору

со всех сторон... У нас ни людей, ни времени не хватит.

– Оставим эти заботы до завтра, – успокоил старейшину Скуп. – Надеюсь, моя казнь может подождать какое-то время?

Вождь кивнул и снова ударил своей чашей по чаше Скупа. Сын легендарного злодея слил ещё одну порцию браги себе за спину.

Ночь прошла, и наступило утро. Все Игуаны уже спали в своих домах или по пути к ним. Гакка и двое из Гиен сидели у костра и наполняли кружки брагой из ведёрка, стоявшего у их ног.

– Неудачно с вами получилось, – немного заплетаящимся языком говорила Гакка, – без моста дорога домой может занять неделю-две.

– Боюсь, нам не будут рады, – ответил один из собеседников.

– Это почему же?

– Мы позволили вам разрушить мост. А старейшина не простит нам такого проступка.

– Ну, я могу поговорить с ним...

– Ты сделаешь это для нас? – очнулся второй.

– Конечно! Вы же неплохие ребята! – Гакка потеряла здравый смысл в ведре браги.

– Никто и никогда не делал для нас ничего такого, как...

Как ты, – первый почти зарыдал.

– Я поговорю со своим хозяином, и мы что-нибудь придумаем, – с чувством заявила Гакка.

– А можно к вам присоединиться? – спросил второй.

– Что? Зачем вам это?

– Мы могли бы быть полезными! – отозвался первый. – Всё равно сталевары из нас никакие.

– А что вы делали у пещеры вчера?

– Нас с братом посылали только мешать Игуанам и разрушать их мастерскую, – погрустнел первый. – Даже страшно представить, что было бы с нами, если бы Гиены, наконец, захватили пещеру.

– Да... Нас бы отправили в шахту, – вздохнул второй.

– А мы не любим закрытые пространства, – поддержал его товарищ.

– Да, там неудобно!

Гакке стало жаль братьев. Она подлила им браги и стукнула обоих по лбу своей кружкой. Осушив чарки, они кинули тару на дно опустевшего ведёрка.

– Пора спать, – сказала Гакка, неуверенно вставая на ноги. – А как вас зовут?

– Я Мелок, а это мой брат Ханок, – указал пальцем на себя и на брата первый.

Палец был очень кстати. Гакка с трудом могла различить, кто из братьев говорит. Картинка в её глазах расплывалась и

закручивалась в кляксу. Она кивнула.

– Гакка! – она указала пальцем на себя. – Верная подданная сына Легендона Скупа.

Закончив, она развернулась и пошла в сторону домика (который являлся тюрьмой на территории деревни Игуан), вежливо предоставленного старейшиной в распоряжение двух странников. Гакка зашла в камеру и, закрыв за собой стальную решетку, рухнула на кровать. Закукарекал красный горлопан.

Горлопан кукарекал, а Гакку трясло во сне. Открыв глаза, она увидела, что качала её не брага, а Скуп.

– Просыпайся.

– Для этого мне нужно заснуть... – заплетающимся языком ответила сонная девушка.

– Встать на ноги! – крикнул Скуп.

Гакка подпрыгнула с кровати и прошла все стадии бражной тяготы до приземления на ноги. Она стояла перед своим хозяином абсолютно трезвая и бодрая. Так думала она.

– Впереди долгий день, выписься в дороге, – бросил Скуп и, развернувшись, пошёл к выходу. Гакка засемила следом.

В главном шатре спал старейшина и, войдя под крышу, Скуп уронил с одного из столов металлическое блюдо с та-

кими же металлическими кружками. Звон оказался эффективнее горлопана, и все спавшие Игуаны тут же очнулись.

Скуп подождал, пока люди встанут или хотя бы сядут. От старейшины требовалось меньше, так как спал он, сидя в своём кресле. Глаза его открылись только, когда все остальные уже начали завтракать. Тогда-то Скуп и напомнил вождю о разговоре минувшей ночью и, разогрев его интерес, смог пробудить полусонного старейшину.

– Представьте, как увеличится приток металла! Шахта у вас под боком. Ни одна Гиена не сможет помешать вам доставить материал до плавильных мастерских. А ведь теперь у вас их две! Геройские гонки только начинаются, и уже ко второму сезону монстропадов вы будете производить такое количество оружия и доспехов высочайшего качества, о каком старейшины до вас и мечтать не могли. Весть разнесётся по всей Чаше, и хлынет волна жаждущих получить великолепные инструменты войны, произведённые вашими кузнями. Металл обернётся в бочки питар, а они – в пафии и пинны. Вы будете купаться в цветных ракушках!

– Деньги не главное, дорогой гость, – гордо заявил старейшина. – Главное – репутация и уверенность в том, что клинок, который мы создаём, не затупится через век, что кольчуги не подведут воинов. Вот что важно!

– И об этом будут говорить все герои из поколения в поколение. Ни этого ли вы желаете?

– Желания – это не для нас. Они жидкие, прозрачные. Ес-

ли мы говорим о чём-то, оно должно быть твёрдым как...

– Сталь. – Скуп помог подыскать подходящее слово. – Проследуйте за мной, и я покажу вам, насколько прочны мои слова.

Старейшина поднялся с кресла, и Игуаны оторвались от мисок с завтраком, умолкли и тоже встали. Скуп вывел старейшину из шатра, и они отправились к солнечной границе города. Большая часть жителей проследовала за ними.

Агатовый гарпун – скала, защищающая деревню с востока. Острый пик её имел форму наконечника стрелы, а низкий и узкий хребет уходил далеко от города, словно канат, привязанный к стреле. Скала была сложной в обработке из-за крепости гладкого минерала на её поверхности. После нескольких неудачных попыток пробиться сквозь чёрную блестящую скорлупу Игуаны сдались, отделавшись ранами, нанесёнными отскакивающей и соскальзывающей с поверхности киркой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.